

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Олег Таругин

КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

Спасти Сталина!

Военно-историческая фантастика

Олег Таругин

**Комиссар госбезопасности.
Спасти Сталина!**

«Махров»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Таругин О. В.

Комиссар госбезопасности. Спасти Сталина! / О. В. Таругин —
«Махров», 2018 — (Военно-историческая фантастика)

ISBN 978-5-04-097537-2

Заключительный том цикла романов о русском офицере из будущего Сергее Кобрине, начатого книгами «Комбат», «Комбриг», «Комдив», «Командарм». Благодаря действиям Кобрина и его товарищей к концу осени 1941 года немцы окончательно отброшены от Москвы, и блицкрига, на который возлагались столь большие надежды, отныне не существует даже в планах. Ход Великой Отечественной изменился окончательно и бесповоротно. Казалось бы, очередное задание успешно выполнено. Однако неожиданно выясняется, что еще ничего не закончилось. Сталин и Берия едва не погибают в результате серии покушений. Начиная разбираться в произошедшем, Сергей внезапно понимает, что организаторы террористических атак вовсе не гитлеровцы. Получивший звание комиссара госбезопасности, Кобрин начинает «контригру».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097537-2

© Таругин О. В., 2018
© Махров, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Олег Таругин

Комиссар госбезопасности. Спасти Сталина!

© Таругин О.В., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Несмотря на то что действие книги происходит в годы Великой Отечественной войны, автор из этических соображений и уважения перед памятью павших Героев постарается не описывать конкретные войсковые операции и будет по возможности избегать упоминания вошедших в реальную историю личностей. Описанные в книге события во многом выдуманы и могут не совпадать с событиями реальной истории. Имена большинства командиров РККА изменены или вымышлены.

Автор выражает глубокую признательность за помощь всем постоянным участникам форума «В Вихре Времен» (forum.amahrov.ru), особенно

Виталию Сергееву и Александру Шуракову.

Спасибо большое, друзья!

Пролог

Москва, Кремль, здание бывшего Сената, октябрь 1941 года

Сержант государственной безопасности Маленник вытащил из кармана небольшой, размерами с пачку местных папирос, прибор. Сверился с наручными часами. Пора? Да, время. Бомбардировщик уже должен быть на подлете, осталось буквально несколько минут. Вдавлив и отпустив кнопку включения, убрал активированный радиомаяк в карман форменных бриджей. Проработать ему предстояло не более пяти минут: на большее просто не хватило бы емкости местных батарей, но большего и не нужно. Вот и все, теперь осталось только подойти к дверям нужного кабинета и ждать, не покидая этого места.

За свою жизнь хроноагент, настоящее имя которого было Алекс Джонс, не переживал: в тот момент, когда взрыв превратит в пыль весь угол здания, его разума здесь уже не будет. А судьба реципиента, за эти сутки успевшего порядком поднадоесть, его волновала чуть менее, чем никак. Какое ему вообще дело до этих дремучих аборигенов из далекого прошлого? Главное – выполнить задание, и тогда в будущем все станет гораздо лучше. Ну а если совсем подопрет и его все же раскроют раньше времени, всегда можно успеть произнести «волшебное слово» – вербальную фразу экстренного возвращения. Пока реципиент придет в себя – а это не столь уж и быстрый процесс, занимающий как минимум минут десять-пятнадцать, – маяк наведения останется возле дверей (вместе с телом реципиента, разумеется), что никоим образом не изменит судьбу предназначенных к ликвидации объектов. А уж трехсот килограммов взрывчатки с гарантией хватит, чтобы окончательно и навсегда изменить историческую последовательность...

– Простите, товарищ сержант, – раздавшийся за спиной голос едва не заставил Алекса вздрогнуть. С похвальной быстротой взяв себя в руки – в конце концов, ему лично ничего не угрожает! – он неторопливо повернулся.

Стоящий в пяти метрах сотрудник НКВД коротко козырнул:

– Прошу предъявить документы, я вас здесь раньше не видел.

– Здравия желаю, товарищ лейтенант, – широко и, как ему казалось, располагающе улыбнулся Джонс, надеясь, что за прошедшее с момента переноса время уже достаточно овладел моторикой тела-носителя, и мимические мышцы его не выдадут. – Сержант госбезопасности Маленник. Документы? Да, конечно, сейчас.

«Нужно потянуть время, – мелькнула мысль. – Осталось всего ничего, буквально минуты две, от силы три. Самолет уже практически над точкой сброса».

– Документы! И отойдите к той стене! – Голос лейтенанта ощутимо окреп. – Я видел, как вы убрали в карман какой-то предмет. Что это было? Покажите!

– Предмет? – как можно удивленнее переспросил агент, неторопливо расстегивая тугую пуговку нагрудного кармана. – О чем вы? Я просто доставал... портсигар.

– Портсигар? – прищурился энкавэdist, обративший внимание на крохотную паузу. – Покурить решили? Не самое подходящее место, как мне кажется... документы! Доставать без резких движений! Илья, бегом сюда! – неожиданно рявкнул лейтенант, отточенным движением отстегивая клапан кобуры и выдергивая пистолет. – Ну?

Мельком взглянув поверх его плеча на показавшегося со стороны межэтажной лестницы второго сотрудника госбезопасности, на бегу расстегивающего кобуру, Алекс внезапно ощутил, как между лопатками скользнул холодный ручеек. Неужели все закончится вот так глупо? И ведь что обидно, документы в полном порядке! Да и как они могут оказаться не в порядке, если их выдали реальному сотруднику НКВД в этом времени?! Что он сделал не так, где именно прокололся?

– Тише, товарищ лейтенант, что ж вы так разволновались? – Удивительное дело, но «Маленнику» все же удалось произнести фразу практически спокойным голосом. – Вот мои документы, прошу.

Взяв протянутое удостоверение личности, лейтенант отступил на шаг назад, кивнув подбежавшему товарищу:

– Приглядывай, мутный он какой-то.

– Почему вы меня оскорбляете? – делано возмутился Джонс, мысленно ухмыляясь: все нормально, пока ему вполне удастся тянуть время, носитель уже наверняка сбросил «подарок» или сделает это с минуты на минуту. – Зачем так кричать, тем более рядом с кабинетом самого товарища Сталина? Может неудобно получится. Я просто шел по коридору...

– Вот именно, что товарища Сталина, – буркнул энкавэдист, мельком проглядев документ. – Что в кармане? Выньте и покажите мне! Доставать медленно!

– Послушайте, товарищ лейтенант государственной безопасности! – ледяным тоном произнес Алекс. – В конце концов, я такой же сотрудник органов, как и вы! Если меня в чем-то подозревают, то...

– Покажите, что в кармане! – отчеканил тот, отступая еще на метр и поднимая пистолет. Звонко щелкнул взводимый курок. Оружие при этом он держал весьма грамотно, плотно прижав плечо и локоть к телу, чтобы противник не смог выбить его неожиданным ударом ноги.

Собственно говоря, перестраховывался он совершенно зря, Джонса, являвшегося самым обычным научным сотрудником головной лаборатории проекта «Возрождение», никто подобным приемам и не обучал. Его заданием было исключительно забрать из тайника привязной радиомаяк и доставить его в нужное место, дождавшись часа «Х», после чего благополучно (и совершенно безопасно, как обещал куратор) вернуться в свою реальность. Ничего особенно сложного, не правда ли? Зато после успешного выполнения задания его счет потяжелеет на весьма серьезную сумму в полновесных амеро! Увы, не рубли, конечно, но тоже достаточно стабильная валюта, даже несмотря на недавнюю девальвацию, одну из множества прочих, в последнее время случавшихся все чаще и чаще. Ну, по крайней мере, так утверждает родное правительство...

Передачик, который он сегодняшним утром изъясил из тайника, в две «ходки» в прошлое собрали его коллеги здесь, в Москве. Приемник же был изготовлен в Германии, и вчерашним вечером установлен на подготовленную к поистине беспрецедентной операции «Speer der Walküre»¹ бомбу одним из обслуживающих аэродром техников люфтваффе, ненадолго взятым под ментальный контроль очередным хроноагентом. О судьбе реципиентов Алекс не думал: с чего бы, собственно? Вот только делать ему больше нечего! Тем более что они и так давным-давно мертвы, уже как минимум несколько столетий. Он же может в любой момент покинуть это тело. А у изготовителей достаточно хитрых для этого времени приборов контакт с донором оказался совсем коротким и закончился снимающими лишние подозрения запоями – они могли еще пригодиться в будущем.

– Но, товарищ лейтенант...

– Доставай, что там у тебя, сука, иначе стреляю! – рявкнул лейтенант, теряя терпение. – Илюха, а ну, вали гниду на пол! Жестко! Потом разберемся!

И в этот момент нервы Алекса все-таки не выдержали: отпихнув приблизившегося контрразведчика, он бросился бежать по коридору. Не ожидавший подобного младший лейтенант на миг опешил, что позволило хроноагенту оторваться на несколько метров.

– Стой, падла! Замри! – заорал кто-то из противников, и гулкую тишину кремлевского коридора разорвал громкий хлопок выстрела. – Илюх, по ногам бей, не насмерть! Живым суку берем!

¹ «Копье Валькирии» (нем.).

Пуля зло дернула брючину, обжигая кожу. Следующая с тупым стуком вцепилась, брызнув щепой, в старинный паркет. Подстегнутое опасностью сознание заработало в каком-то особом ритме, отрешенно фиксируя происходящее.

«Успеваю, – равнодушно подумал Джонс. – За поворотом лестница, там не достанут, я их опередил. Маяк! Как он мог забыть про маяк! Нужно обязательно выбросить его прямо тут, у торцевых окон, выходящих на одну из кремлевских башен! Преследователи слишком возбуждены, чтобы обратить внимание на подобную мелочь. Этого однозначно хватит, заряд достаточно мощный, десяток-другой метров ничего не решает, взрыв в любом случае обрушит все крыло здания».

Но вытащить на бегу из кармана небольшую коробочку оказалось не столь просто, и Алекс замешкался на какую-то секунду. И лейтенанту госбезопасности Репьеву этого хватило, чтобы нормально прицелиться. Третья пуля пробила вражескому диверсанту – теперь никаких сомнений в последнем не оставалось – бедро. Нога немедленно подломилась, и хроноагент с криком полетел головой вниз по мраморной лестнице, мысленно произнося про себя короткую фразу, активирующую процедуру экстренной эвакуации. В этот момент ни он сам, ни его преследователи даже не подозревали, что они только что спасли жизни двух самых важных людей страны, заодно не позволив измениться ходу истории этого мира. По крайней мере, не позволив измениться *на этот раз*...

Впрочем, куда правильнее будет сказать ЧЕТЫРЕХ...

Глава 1

Москва, Кремль, октябрь 1941 года, день тот же

Самолет, скорее всего тот же самый, что недавно доставил в столицу попавшего в плен генерал-oberста, прибыл за Кобриным спустя неделю с небольшим, когда стало ясно, что ситуация на фронте полностью стабилизировалась. Собственно говоря, последние дни о серьезном сопротивлении гитлеровцы уже и не помышляли. Советские войска, не позволяя втягивать себя в позиционные бои, рассекали позиции противника, короткими фланговыми ударами загоняя фашистов в мини-котлы, после чего отходили, удерживая их «горловины» и позволяя артиллерии прицельно (и не очень, благо боеприпасы в наличии имелись и можно было работать «по квадратам») перемалывать оказавшегося в тактическом окружении врага.

Плюс к этому в середине месяца осенняя распутица окончательно и бесповоротно вступила в свои права, превратив дороги, даже шоссированные магистральные, в практически непроходимые направления. А не на шутку зарядившие дожди сделали невозможными действия авиации, что нашей, что немецкой. С той лишь разницей, что для Красной Армии подобное оказалось не настолько критичным, нежели для фашистов: получившая поистине бесценную информацию из будущего Ставка успела более-менее насытить фронт артиллерией как ствольной, так и реактивной. А доставляющие все новые и новые дивизионы эшелоны, пользуясь отсутствием в воздухе люфтваффе, продолжали спешно разгружаться в ближнем и дальнем тылу. Нечто подобное было и в прошлом варианте истории, когда с конца октября по середину ноября в боевых действиях возникла вынужденная оперативная пауза, однако сейчас ее причиной стала уже не только осенняя распутица...

Ни о каком продолжении «Тайфуна» и дальнейшем наступлении на Москву и речи не шло, слишком велики оказались потери в технике и личном составе, и слишком низко пал моральный дух войск, и гитлеровцы дрогнули. Дрогнули настолько, что на некоторых участках фронта, особенно после массированного применения реактивных минометов, пока еще не получивших свое легендарное имя, или очередного неожиданного танкового прорыва отмечалось оставление позиций целыми подразделениями в полном составе. При этом драпали фрицы, бросая не только увязшие в грязи танки, автомашины и прочую артиллерию, но порой даже личное оружие. Да и добровольно сдавшихся в плен тоже хватало, и их количество росло буквально с каждым днем: эти, видимо, оказались поумнее камрадов, поскольку прекрасно понимали, что встреча с фельджандармерией или контрразведкой ничего хорошего для них не несет.

Впрочем, и РККА, бойцы которой тоже оказались всерьез измотаны ожесточенными боями последних недель (а возможности ротации подразделений до окончания активной фазы боевых действий практически не имелось), тоже не стремилась развивать успех. Отбросив фашистов на исходные позиции, а кое-где и потеснив еще дальше, армии Западного и Брянского фронтов остановились, переходя к обороне. Несмотря на накопившуюся усталость, бойцы, многие из которых прошли огненный ад первых недель войны, засыпали своих командиров вопросами в духе «отчего стоим?» и «почему не давим дальше, пока немец бежит?». Командиры в основном отмалчивались или отделялись общими фразами, поскольку никто из них пока еще не знал о планируемом Ставкой ВГК скором контрударе. Контрударе, которому суждено было начаться почти на месяц раньше, чем *в прошлый раз*, едва только первые морозы вновь сделают дороги проходимыми для техники и пехоты. А затем, практически под самый Новый год, начнется и полноценное контрнаступление, благополучно завершившееся к середине января...

Передав командование армией начштаба, генерал-майору Кондратову, Сергей вместе с лейтенантом Зыкиным отправился на полевой аэродром, где его дожидался двухмоторный

«Дуглас» еще американской сборки и звено истребителей прикрытия из состава ИАП особого назначения. И спустя пару часов благополучно приземлился на Центральном аэродроме, расположенном на Ходынском поле. Стояло раннее осеннее утро, поскольку из-под Вязьмы вылетали, из соображений безопасности, еще затемно. Небосвод на востоке уже окрасился в первые робкие рассветные тона, но вокруг еще царила густая, сине-фиолетовая, будто разлитые школьные чернила, ночная темнота, лишь изредка разрываемая тусклыми лучиками фонариков в руках обслуживающего персонала.

Еще ни разу не бывавший в столице Кобрин с искренним интересом разглядывал маскировку летного поля – между прочим, достаточно серьезную для этого времени, – размазанные голыми по осеннему времени «деревьями» и «кустами» плиты взлетно-посадочной полосы, бутафорские избушки с сараюшками, заборчиками и огородами. Отсюда, с земли, все эти декорации выглядели откровенно несерьезно, но вот с высоты, скорее всего, ни один, даже самый опытный ас люфтваффе не смог бы отличить их от настоящих. Что однозначно гарантировало ему классический разрыв шаблона: летел, понимаешь ли, бомбить большевистскую столицу, а в прицеле отчего-то оказалась какая-то затрапезная подмосковная деревня всего-то в десяток дворов! Особенно если разглядывать придется в условиях, когда по тебе одновременно лупит куча зенитных батарей ПВО, которых вокруг Москвы было развернуто... ну, скажем так, немало. А вот самолетов Сергей вовсе не разглядел: то ли надежно укрыты в капонирах, то ли просто не стоят подолгу на открытом месте. Даже высадивший их «Дуглас», подрабатывая незаглушенными моторами, уже куда-то укатился. Сопровождавшие их в полете остроносые «МиГи» приземляться и вовсе не стали – убедившись, что транспортник благополучно коснулся полосы, истребители еще несколько минут, пока шла посадка пассажиров, покрутились в небе, после чего ушли на аэродром базирования, вероятно, расположенный где-то в пригороде.

– Насмотрелся? – с понимающей усмешкой осведомился Зыкин, легонько подталкивая товарища в сторону одинокой легковой автомашины, с потушенными фарами застывшей метрах в тридцати от них. – Пошли, вон за нами уже транспорт прибыл. Да, и это: ты сейчас исключительно генерал-майор Константин Иванович Ракутин, командующий двадцать четвертой армией, и никто другой. Те, что нас встречают, почти наверняка не в курсе.

– Вить, издеваешься? – вздохнул Кобрин. – Совсем за идиота считаешь? Мог бы и не напоминать, честное слово!

– Не, ну я должен был предупредить... – стушевался товарищ. – Я ж так, на всякий случай... гм... ладно, двинули, тут ехать совсем ничего.

– Догадываюсь, – фыркнул Сергей, благодаря загруженной в память информации знавший Москву куда лучше особиста. Теоретически, понятное дело. Но, случись такая необходимость, точно бы не заблудился, даже окажись за рулем автомобиля. – Слушай-ка, товарищ Зыкин, а ты чего такой дерганый? Волнуешься?

– Иди ты! – делано возмутился товарищ. – С чего бы вдруг мне дерганым быть?

– С того бы, – отрезал Кобрин. – Думаешь, я тебя плохо знаю? Так не думай, с самого двадцать второго июня знакомы. Чего напрягся?

Лейтенант госбезопасности помедлил, прежде чем ответить:

– Да, понимаешь... до сих пор не верю, что ты все-таки досюда добрался! Все кажется, что вот сейчас – раз! – и отрубись. Ну, как в прошлом бывало. А когда в себя придешь – это уже вовсе не ты будешь.

– Зря переживаешь, Вить. Если меня до сих пор отсюда не выдернули – прямо сейчас уж точно не выдернут. Поскольку совсем глупо получится, нелогично. Так что расслабься, похоже, мое командование приняло-таки решение о личном контакте с... ну ты понял. Так что топай и ни о чем не переживай.

– Точно? – не сдержался, на миг дрогнув голосом, особист.

– Сто пудов, – заверил, мысленно улыбаясь, Кобрин, в который раз припомнив, как тот ворвался к нему в ночь на двадцать второе июня и пугал трибуналом с прочими ужасами. Мог ли он тогда даже просто предположить, как оно все обернется в будущем?

– Добро, тогда поехали. Насчет Ракутина помнишь?

– Вить, не делай мне нервы! Мне их уже фрицы попортили! Причем сильно! И не только они, кстати!

– Все, все, молчу.

Остановившись в нескольких метрах от негромко урчащего мотором автомобиля, Зыкин бросил ладонь к козырьку форменной фуражки, обратившись к стоящему возле распахнутой передней дверцы капитану НКВД:

– Здравия желаю, товарищ капитан. Лейтенант государственной безопасности...

– Не нужно, – отрицательно дернул головой тот. – Я отлично знаю, кто вы, видел в управлении. Тем более меня предупреждали. Давайте не станем терять времени. Прошу в машину, товарищи командиры.

Поехали вовсе не на площадь Дзержинского, как отчего-то думал Зыкин, а сразу в Кремль (как и предполагал Сергей). Товарищ Сталин определенно не собирался терять времени – поди, знай, вдруг в авто сядет долгожданный «фигурант», а доедет вовсе даже его реципиент? И все, «начинай сначала», как в детской считалочке говорится...

После двукратной проверки документов и сдачи личного оружия обоих препроводили к Тем Самым Дверям. С точки зрения Кобрина – самым обычным, пусть и дубовым, с массивными бронзовыми ручками, но достаточно непрезентабельным с виду. Уж точно не таким, какие любили устанавливать в своих партийных дворцах его последователи. Впрочем, он и не удивлялся, поскольку отлично знал, ЧТО собой представляет всесильный хозяин этого кабинета.

– Проходите, товарищи, вас ожидают, – сообщил сопровождавший их энкавэдист в звании целого майора ГБ, коротко кивая в сторону дверей.

– Разрешите вопрос, товарищ майор?

– Не уполномочен, – отрезал тот, мазнув по лицу Зыкина равнодушным взглядом. – Там вам ответят на любые вопросы.

И, отточенным движением бросив руку к виску, четко развернулся через плечо, затопав в обратном направлении. Товарищи остались в одиночестве, поскольку никакой дополнительной охраны у дверей кабинета Вождя (собственно говоря, приемной) больше не имелось, длинный и гулкий коридор был совершенно пуст.

– Вить, а ты чего спросить-то собирался? – негромко спросил Кобрин, легонько сжав предплечье Зыкина.

– Да не важно... – дернулся тот, шумно сглотив. – Волнуюсь просто. А ты разве нет?

– Ну, как тебе сказать? – задумчиво хмыкнул Кобрин. – Наверное, тоже волнуюсь, только по другой причине. Поверит – не поверит, и все такое прочее. Ладно, двинули, что ли? А то как-то вовсе уж глупо на месте торчать. Да и с чего тебе так уж переживать? С наркомвнудел ты уже знаком, осталось всего на одну ступеньку подняться.

– Вот именно, что подняться... – тоскливо вздохнул тот. – Выше-то уж и некуда...

– И что с того? Ты боевой командир, товарищ Витя, столько раз смерти в глаза глядел, а сейчас струсил, что ли? Давай уж вперед.

И, коротко стукнув костяшками по лакированной панели, решительно надавил на отполированную тысячами рук изогнутую ручку:

– Разрешите?

– Прошу вас, проходите, товарищи командиры! – Поскребышев лично распахнул перед ними створку ведущих в кабинет Самого дверей. – Товарищ Сталин вас ожидает.

– Благодарю, Александр Николаевич, – коротко кивнул Сергей, первым переступая порог. Зыкин шел следом, сосредоточенно сопя в коротко остриженный затылок командарма.

Неоднократно виденное на фотографиях помещение оказалось погружено в полутьму – массивные светомаскирующие шторы, закрывающие высокие окна, были плотно задернуты, свет давала лишь знаменитая настольная лампа. Осматриваться, даже мельком, Кобрин не стал, поскольку отлично знал, что увидит – по тем же самым историческим фото знал, разумеется. Дубовые настенные панели, под одной из стен – диван в матерчатом чехле, под другой – вертикальная и какая-то излишне узкая книжная полка («этажерка» – подсказала память) и старинные напольные часы. Сам пол покрывают ковровые дорожки, не столь уж и новые, к слову. Ну и самое главное: массивный стол под зеленым сукном, на поверхности – та самая лампа, письменный прибор и небольшая стопочка картонных папок и бумаг.

Ну и сам хозяин кабинета, разумеется.

Который вовсе не восседал за столом, словно в каком-то старом-престаром кинофильме двадцатого века, где Иосиф Виссарионович встречал посетителей, непременно склонившись к бумагам, с карандашом в руке и попыхивая легендарной трубкой, а стоял, заложив руки за спину, чуть в стороне, с искренним любопытством разглядывая вошедших. Взгляд Вождя казался вполне доброжелательным – насколько помнил Сергей, Сталин был неплохим психологом, способным выражать свое отношение к людям так, что они ощущали это буквально физически. Судя по первому впечатлению, историки ничуть не вдали...

– Здравия желаю, товарищ Сталин! – браво отрапортовался Кобрин. – Генерал-майор Ракутин по вашему приказанию прибыл!

– Лейтенант государственной безопасности Зыкин по вашему приказанию прибыл! – сдавленно пробубнил за его спиной Витька.

– Рад вас видеть, товарищи, – совершенно серьезно кивнул тот, принимая правила игры. – Проходите, присаживайтесь. Как добрались?

– Спасибо, товарищ Сталин, добрались хорошо! – бросив на оторопевшего особиста быстрый взгляд, четко ответил командарм. – Немцы не беспокоили, так что долетели без проблем, спасибо нашим героическим асам. Видать, боятся, подлецы, понимают, что сейчас им не июнь месяц.

– Вот и замечательно. Присаживайтесь, товарищи, что же вы застыли на пороге? – усмехнулся Иосиф Виссарионович, обходя стол и первым опускаясь в кресло. – Сейчас придет товарищ народный комиссар, и мы начнем наш разговор. Ага, вот и товарищ Берия...

Нарком внутренних дел появился вовсе не оттуда, откуда ожидалось. – из ведущей в комнату отдыха двери. Впрочем, о том, что там расположена именно комната отдыха, из двоих посетителей знал, понятное дело, только Кобрин.

– Разрешите, товарищ Сталин? – Не дожидаясь кивка, Лаврентий Павлович аккуратно пристроил на краю стола для совещаний поднос с четырьмя стаканами с чаем и небольшой вазочкой с печеньем. Выглядел всесильный нарком... ну, эдак, по-домашнему, что ли: форменный френч расстегнут на две верхние пуговицы, рукава подкатаны. Прямо-таки радушный хозяин, встречающий долгожданных гостей. – Здравствуйте, товарищ командарм!

– Здравия желаю, товарищ нарком! – коротко кивнул Сергей, поскольку фуражка осталась на вешалке в приемной.

– Товарищ народный комиссар... – мгновенно вскинулся Виктор, вытягиваясь по стойке «смирно».

– Вольно, лейтенант, – отмахнулся Берия. – Сейчас мы станем чай пить. А чай у товарища Сталина хороший, грузинский. Он его не всем предлагает, так что цените!

– Ай, прекрати, Лаврентий Павлович, совсем наших гостей засмущал, – отмахнулся Вождь. – Да присаживайтесь уже, чего ждете? Чтобы товарищ Сталин еще раз попросил?

Кобрин лишь мысленно хмыкнул, первым опускаясь на ближайший стул. Похоже, партия встречи была до мельчайших подробностей расписана и оговорена заранее, и все происходящее рассчитывалось исключительно на Витку: ну, не на него же самого, честное слово? Даже не смешно, Иосиф Виссарионович не настолько примитивен...

Зато Зыкина, судя по всему, проняло по полной – вон как глаза вылупил и челюсть отвисла, того и гляди об пол стукнет. Не ожидал своего самого главного начальника в таком виде и в такой обстановке увидеть. Ну, так, на то, похоже, и расчет.

Наткнувшись на ироничный взгляд товарища, лейтенант госбезопасности сморгнул и сделал пару нетвердых шагов, осторожно, будто под ним был не стул, а взведенная противопехотная мина, присаживаясь следом.

– Берите чай, товарищи, пока не остыл. Плохо, когда остывает, это я еще со времен ссылки помню. Холодный чай совсем не греет, да. – Сталин придвинул к себе подстаканник и шумно пригубил. – Не стесняйтесь, что же вы робеете? Мне докладывали, что вы оба – настоящие боевые командиры, с первых часов войны героически сражаетесь, много немцев набили, а вы робеете. Неужели товарищ Сталин страшнее немцев? Или как там вы их называете, фрицев, да? Может, мне неправильно докладывали?

– Вам все верно докладывали, товарищ Сталин, – за обоих ответил Сергей, делая глоток. Напиток и на самом деле оказался весьма неплох – уж точно, не та бурда, что он пил на фронте. Зыкин тоже автоматически отхлебнул из своего стакана, едва заметно дернув щекой: чай оказался достаточно горячим.

Видимо, сочтя, что на этом прелюдия завершилась, Вождь взглянул на Кобрин:

– Сергей Викторович... вы ведь не против, если я стану обращаться к вам именно так? Ведь это ваше настоящее имя?

– Разумеется, не против, Иосиф Виссарионович! Полагаю, вы более чем хорошо знаете, кто я на самом деле. В противном случае меня бы здесь просто не было.

– Вот и замечательно, – абсолютно серьезно кивнул Сталин. – Знаете, товарищ Кобрин, я долго думал, с чего начать наш разговор. А потом решил – наверное, вот с этого...

Хозяин кабинета, не глядя, взял верхнюю из лежащих на краю стола папок, протянув ее собеседнику.

– Прошу вас просмотреть эту информацию, тут не особенно много. Меня интересует, действительно ли все соответствует, *гм, вашей истории?* Будущей истории, понятно. Нет ли там каких-нибудь ошибок?

– Это то, что я думаю, товарищ Сталин? – принимая документы, переспросил Сергей.

– Ну, я все-таки не товарищ Мессинг, который, как люди говорят, чуть ли не мысли читает, – добродушно усмехнулся тот, – но ваш вопрос мне вполне понятен. Да, это сведения, полученные от ваших, – Сталин все же сделал крохотную паузу, прежде чем произнести все еще непривычное для него слово, – бывших *реципиентов*. Полагаю, вы ведь догадываетесь или даже знаете, что мы их нашли? И не только ваших, но и других... ваших товарищей?

– Разумеется, знаю, Иосиф Виссарионович. Точнее, догадываюсь. Во все подробности я и сам, откровенно говоря, не посвящен, но полагаю, что именно так и планировало мое руководство.

– Тогда читайте, товарищ Кобрин, не станем терять времени. Нам сегодня еще о многом нужно поговорить. И пейте чай, не нужно меня стесняться.

– Спасибо, товарищ Сталин. – Отхлебнув из стакана, Сергей раскрыл папку, быстро проглядев первый по счету машинописный лист. Как он и предполагал, внутри находилась краткая хронология будущих сражений Великой Отечественной, достаточно грамотно разбитая по месяцам и датам. Что ж, стоит признать, те, кто сводил воедино разрозненные данные, постарались на славу. А в том, что оные данные оказались именно разрозненными, Кобрин ничуть не сомневался: как ни крути, человеческий мозг – самая сложная штука во Вселенной. И поэтому

любой из его бывших реципиентов практически наверняка интерпретировал оставшуюся в памяти информацию по собственному разумению, преломляя ее сквозь призму своей личности, воспоминаний, образования, опыта – и так далее.

Никаких особых сложностей в просьбе Вождя Сергей не усматривал: заметив какую-то неточность, он мог просто вызвать в памяти нужный пласт соответствующего инфопакета, благо после выполнения очередного задания в прошлом никто не «стирал» их из памяти слушателей Академии. Поэтому, просмотрев две первые страницы, посвященные событиям осенней кампании (по понятной причине, сейчас эти сведения уже утратили актуальность), он и попросил карандаш:

– Товарищ Сталин, разрешите что-нибудь пишущее? Карандаш, например, желательно цветной.

– Пожалуйста, товарищ Кобрин. – Ничуть не удивившись, Иосиф Виссарионович протянул ему требуемое. – Красный подойдет? Хорошо. Нашли какую-то ошибку?

– Не ошибку – скорее, неточность... – автоматически ответил Сергей. – Я могу писать на полях?

– Пишите, где вам удобно, Сергей Викторович, – хмыкнул тот. – Хоть на полях, хоть между строк. Я специально попросил ответственных товарищей не печатать слишком убористо. Или возьмите чистую бумагу, она на вашем столе.

– Благодарю.

Кобрин справился быстро, меньше чем за полчаса. Ему никто не мешал – все это время в кабинете царило молчание. Допив чай, Сталин неторопливо набил и раскурил трубку; наркомвнудел и Зыкин просто сидели, первый – расслабленно, посверкивая стеклами знаменитого пенсне, второй – напряженно, словно шпагу проглотил.

Закрыв обложку, Сергей аккуратно пристроил папку на краешке сталинского стола:

– Пожалуй, все, Иосиф Виссарионович.

– И какие ваши впечатления? – отставив в сторону опустевший стакан, тот чуть наклонил голову, с искренним любопытством разглядывая собеседника. – Сотрудники товарища Берии (наркомвнудел при этих словах ощутимо напрягся) ни в чем не ошиблись, все верно изложили?

– Абсолютно верно, товарищ Сталин! – Кобрин так и не определился для себя, как именно следует обращаться к хозяину кабинета, и потому использовал и имя-отчество, и нейтральное «товарищ Сталин». Судя по всему, Вождя это тоже не особо интересовало. – А мои комментарии? Я не столько исправлял неточности, сколько кратко излагал свое видение дальнейших событий. История уже изменилась, значит, и война теперь пойдет несколько иначе.

– Замечательно. Нисколько не сомневался, что много времени это не займет. Разрешите, я погляжу? – Не дожидаясь ответа, тот подтянул к себе папку, быстро просматривая комментарии Сергея.

– Гм, весьма любопытно. Значит, вы, Сергей Викторович, считаете, что ценность данной информации станет уменьшаться буквально с каждым месяцем?

– Не только считаю, но и твердо убежден, – кивнул Кобрин. – К сожалению. И хорошо еще, если с каждым месяцем! Когда я попал в тело моего нынешнего реципиента (Сталин коротко дернул головой, показывая, что прекрасно понимает, о чем речь, и потому не стоит отвлекаться на подобные мелочи), я едва не погиб во время немецкой бомбежки. Которой, как я подозреваю, в известной мне версии истории просто не было. Что может означать только одно: история меняется. И чем дальше – тем больше. Более того, полагаю, скорость этих изменений в дальнейшем станет только нарастать. Возможно, даже лавинообразно, так сказать, в прогрессии.

Иосиф Виссарионович прищурился:

– Другими словами, вы хотите сказать, что все это, – чубук трубки легонько коснулся серого картона обложки, – уже не важно? И не имеет никакого значения?

Услышав слова Вождя, народный комиссар дернулся, вскинув голову и собираясь что-то сказать, однако, наткнувшись на быстрый ответный взгляд, сник, так и не произнеся ни слова.

– Полагаю, не совсем так. Ход войны в целом вряд ли изменится, поскольку не изменятся цели Гитлера и его генерального штаба. В стратегическом смысле свои планы они менять не станут. Им по-прежнему нужен выход к Волге и кавказская нефть, нужен Воронеж и Крым, центральная и юго-восточная Украина, Харьков, Донбасс и Одесса. Да и не попавший в осаду Ленинград для них тоже словно, простите, кол в одном месте, поскольку рушатся абсолютно все первоначальные планы на северном направлении. Но вот *как именно* они попытаются этого добиться – теперь уже большой вопрос.

– А знаете, товарищ Кобрин... – задумчиво пробормотал Сталин. – Мы с Лаврентием допускали нечто подобное. Поскольку наша армия, как вы видели, тоже без дела не сидела. И, мне кажется, что по сравнению с ЭТИМ, – чубук снова легонько пристукнул по серому картону, – мы уже многого добились. С вашей и ваших товарищей помощью, разумеется. Но я отчего-то думал, что у нас немного больше времени до этих ваших, гм, лавинообразных изменений...

– Теперь они, скорее, как раз ваши, товарищ Сталин... – столь же негромко ответил Сергей, вызвав исполненный возмущения взгляд Зыкина. – Точнее – наши с вами...

– Да, я понимаю, – абсолютно серьезно кивнул тот, неожиданно и без малейшей паузы продолжив совершенно другим тоном: – И что вы предлагаете, товарищ Кобрин? Как поступить?

Сергей не раздумывал:

– Готовиться к весенне-летней кампании, опираясь на известную нам хронологию событий, но с учетом произошедших изменений, разумеется! Одновременно занимаясь новыми типами вооружений, о которых вы тоже теперь знаете. К стратегическому планированию привлечь наиболее талантливых военачальников, я их только что отметил. Провести... – Кобрин на миг все же замаялся, не будучи уверенным, стоит ли вот так рубить сплеча. Раздраженно дернул щекой – стоит, конечно же, стоит! Хватит, в *прошлый раз* уже домолчались, лишь бы кого не обидеть ненароком! – Провести тотальную ротацию кадров в Генеральном штабе! Сейчас нужны военачальники новой формации, с новым же, более гибким мышлением! Способные сражаться не так, как было принято не то что на прошлой Мировой войне, а даже на финской или Халхин-Голе! Понимаете, Иосиф Виссарионович, я вовсе не хочу сказать, что...

– Постойте, Сергей Викторович, – Вождь с трудом прятал в усах улыбку. Берия, к слову, тоже излишне угрюмым отчего-то не выглядел. – А отчего вы так сильно разволновались? Разве вы сказали что-то, чего не знает товарищ Сталин? Если вы так считаете, то вы ошибаетесь, товарищ Сталин все это очень даже хорошо знает. Знает и понимает. И уже начал принимать определенные меры.

– Виноват, Иосиф Виссарионович...

– Ай, зачем говорить о вине, которой нет? Глупости это. – Вождь положил потухшую трубку в пепельницу. – Вы мне про другое скажите, товарищ Кобрин, вы нам поможете? Лично, здесь и сейчас? В сорок первом году? Ведь вы уже практически закончили свою Академию, воевали... хорошо воевали, я сам видел. И, насколько понял, не только здесь, на нашей войне, но и на другой. Поможете?

– Всем, чем смогу! – ни мгновения не колеблясь, решительно кивнул Сергей. – Пока меня отсюда не выдернут, разумеется.

– Вот и замечательно, – коротко переглянувшись с наркомвнуделом, ответил Вождь. – Я в вашем ответе нисколько и не сомневался. А насчет возвращения в свое время? Мне отчего-то кажется, не для того вам позволили тут *задержаться*, чтобы сейчас *выдергивать* обратно. Как-то совсем нелогично получится, нет?

– Возможно, товарищ Сталин. По крайней мере, мне бы хотелось в это верить.

– Вот и договорились. А сейчас, товарищи, давайте поговорим еще вот о чем, – Иосиф Виссарионович взял из стопки новую папку, столь же безлико-серую, что и прошлая. – Здесь информация, касающаяся новых систем вооружений, таких, как... Что такое, товарищи?

Прервав фразу, Иосиф Виссарионович полу-обернулся в сторону окон, откуда доносился едва различимый вой сирены предупреждения о воздушном нападении. До сего момента подобное случалось буквально несколько раз: прикрывающие столицу силы ПВО отгоняли непрошенных гостей еще на подступах, да и налеты немцы пытались проводить исключительно ночью. Что, учитывая поистине уникальную маскировку Кремля, с множеством бутафорских строений, перекрашенными башнями и храмами, брезентовыми «улицами», «пересекавшими» кремлевскую стену, запруженной плотами Москвой-рекой и прочими ухищрениями вроде раскрашенных под городские кварталы стен и «ржавых» крыш, просто не имело особого шанса на успех. Плюс многоуровневая система противовоздушной обороны, к середине осени 1941 года максимально насыщенная артиллерией и авиацией, и выведенные на наиболее удобные для бомбардировок высоты аэростаты заграждения, разумеется. Высотные разведчики, бывало, порой летали, поскольку советские истребители просто не могли работать на доступных для Ju-86 высотах – не хватало кислородного оборудования, да и вооружение отказывало от низких температур – но особенно не нагнали. Так что на территорию Кремля – в отличие от прошлой истории – пока что упала всего одна бомба, да и та неприцельно и не нанеся никакого серьезного ущерба.

И в этот момент откуда-то со стороны коридора раздались едва улавливаемые слухом крики и несколько хлопков, которые не могли быть не чем иным, как пистолетными или револьверными выстрелами.

Что именно Сергей внезапно ощутил, он так и не понял.

Сначала слегка закружилась, словно он находился внутри медблока и вот-вот должен был провалиться в привычное ничто темпорального переноса, голова.

В следующий миг все его естество буквально пронизало острее, как случалось только в самый напряженный момент боя, да и то не всегда, чувство смертельной, неотвратимой опасности. Пронизало настолько сильно, что на мгновение он буквально задохнулся этим чувством, без остатка растворяясь в нем.

А еще он услышал тонкий свист работающего на последних каплях горючего ракетного двигателя, столь знакомый Сергею по прошлой жизни, накатывающийся откуда-то сверху. При этом разумом он прекрасно понимал, что столь негромкий звук, скорее всего, просто не способен пробиться сквозь двойные пуленепробиваемые стекла сталинского кабинета, но готов был поклясться, что именно СЛЫШИТ его! Если это и на самом деле управляемая (или неуправляемая) ракета – которой здесь, в сорок первом, попросту неоткуда и взяться, эрэсы не в счет! – то сколько времени у него осталось? Секунда, полторы – или того меньше? И куда именно она ударит?

Время, казалось, остановилось, превратившись в некую вязкую и неподатливую субстанцию – он видел, как едва заметно двигаются губы продолжавшего что-то удивленно говорить Сталина; как Лаврентий Павлович тянется и никак не может дотянуться до подстаканника; как опускаются веки моргнувшего в эту секунду Зыкина...

Практически не осознавая, что делает – как уже не раз бывало в прошлом, рефлексы сработали куда быстрее разума, – Кобрин швырнул тело через столешницу. Обхватив не успевшего отреагировать Сталина, он вместе с ним рухнул на пол, в последние доли мгновения накрывая своим телом. Успев при этом заорать – впрочем, ни малейшей гарантии, что Зыкин его поймет и успеет среагировать, у него не было – «Витька, наркома прикрой!». Может, и глупость, конечно – что подобное сможет изменить, если по ним сейчас долбанет ракета с фугасной БЧ? Это ведь не начиненный взрывчаткой портфель, пронесенный фон Штауффенбергом в гитлеровскую ставку в июле 1944 года. Если вражеский снаряд попадет именно куда его навели, все

это не будет иметь никакого значения: от боеголовки столон не защитишься, каким бы прочным тот ни оказался!

Но и не попытаться спасти Иосифа Виссарионовича он тоже не мог, прекрасно осознавая, чем грозит СССР – да и всему миру, если так подумать, – его гибель...

И тут же оглушительно грохнуло.

Здание бывшего Сенатского дворца в буквальном смысле вздрогнуло до самого фундамента, когда в землю на уровне первого этажа ударила несущая почти триста килограммов взрывчатки противокорабельная управляемая авиабомба Henschel Hs 293A-0; один из пяти существующих на октябрь сорок первого года работоспособных предсерийных экземпляров. Которую перед тем сбросил многоцелевой бомбардировщик «Дорнье 217», подошедший к городу на предельной для себя высоте в девять километров. Учитывая, что Hs 293 весила немногим больше тонны, а максимальная бомбовая нагрузка составляла около двух, сделать подобное оказалось не столь уж и сложно. Тем более горячего на обратный путь в баках не было ради облегчения веса: самолет предназначался для разовой акции, и его экипаж об этом прекрасно знал. Хитрость вполне удалась. Получив информацию от постов ВНОС, штаб московской ПВО счел нежданного гостя очередным авиаразведчиком, поэтому воздушную тревогу в первый момент объявлять и не стали; тем более цель оказалась единичной. Ошибку осознали чуть позже, когда в районе Садового кольца «разведчик» внезапно нырнул вниз, резко сбрасывая высоту и выходя на идеальные для пуска управляемой бомбы полтора километра.

Сбросив смертоносный груз (освободившийся от более чем тысячекилограммовой нагрузки самолет стал куда маневреннее), Do 217 попытался уйти с набором высоты. Однако выскочил точно на зенитную батарею у депо «Москва-3» ярославского направления. Так и не успевший скрыться в облаках двухмоторный бомбардировщик оказался буквально в клочья разнесен множественными попаданиями разнокалиберных зенитных снарядов. Из четырех пилотов выброситься с парашютом сумел лишь бортовой стрелок; да и он живым до земли не добрался: когда тело фашистского летчика обнаружили в районе Марьиной Рощи, тот был уже мертв. Нет, с земли по нему никто не стрелял – согласно строжайшему приказу, всех вражеских пилотов следовало в обязательном порядке брать в плен, немедленно передавая органам контрразведки, – просто еще в воздухе осколок зенитного снаряда оторвал ему руку, и гитлеровец умер от болевого шока и потери крови. Впрочем, как уже говорилось, экипаж сбитого «двести семнадцатого» прекрасно знал, на что идет, и не строил насчет своего возвращения никаких иллюзий...

Наводящийся на радиомаяк реактивный снаряд – а по сути далекий прообраз будущих крылатых ракет или, правильнее сказать, высокоточных авиабомб – спланировал на цель со стороны ГУМа, собираясь ударить в торцевую стену бывшего Сената между вторым и третьим этажами. С других сторон здание заслоняли более высокие постройки, обогнуть которые примитивная электроника просто бы не сумела. Да и не примитивная, скорее всего, тоже – просто не хватило бы дистанции для маневра.

Однако в это мгновение приводной радиосигнал резко сместился вниз.

И потому «Хеншель-293», пролетев над Красной площадью, тоже взял ниже.

Скользнув в десятке метров от Никольской башни, управляемая авиабомба зацепила зубец Кремлевской стены, снеся подвесной ракетный ускоритель, часть оперения и обшивки, найденные позже при разборе завалов. Отклонившись еще больше, Hs 293 врезался в землю у торцевой стены Сенатского дворца. По счастью – у дальнего от сталинского кабинета угла. Мощнейший взрыв, оставив двадцатиметровую воронку, обрушил часть фасада, а ударная волна вышибла окна практически во всем крыле здания и остальных, расположенных по фронту ее распространения, строениях...

Глава 2

Земля, далекое будущее. Базовая историческая линия

Начальник спецлаборатории ВАСВ², доктор физико-математических наук Виктор Павлович Кравец, шел на доклад к генерал-лейтенанту Роднину... нет, вовсе не с тяжелым сердцем. Скорее, с ощущением полной безысходности. Из памяти еще не стерся недавний разнос, когда майор Кобрин едва не погиб, попав под несуществующую в известной истории бомбардировку. Впрочем, ни малейшей вины ученых в том не было и быть не могло: никто просто не знал, что произойдет, когда изменения исторической последовательности в том мире перевалят «точку невозвращения». Теперь – знали. И даже более-менее (исследования и расчеты все еще продолжались, не прекращаясь буквально ни на час, и все компьютерные мощности работали с максимальной нагрузкой) научились нивелировать подобное. Работа проекта была на всякий случай приостановлена, а пси-матрицы отправленных в прошлое доноров – эвакуированы обратно немедленно по выполнению ими поставленных задач. Из всех допущенных к прохождению «Тренажера» слушателей сейчас в сорок первом году оставался один Кобрин, «возвращать» которого руководство академии отчего-то запретило категорически.

Но того, что произошло сегодня, не ожидал никто. Даже в теории. Поскольку еще никогда не нарушалась связь между временными потоками!

– Сядь, Виктор Палыч... – мрачно сообщил Роднин, как только ученый вошел в кабинет и настенный индикатор активированного защитного контура трижды мигнул и загорелся ровным зеленым светом.

– Думаешь, наказаниями стращать начну, гневно кулаками потрясая? Так ошибаешься, коль так думаешь. Тут даже я понимаю, что вашей вины во всем этом не имеется. Тем более присланный инфопакет я изучил. Потому, давай-ка вот как договоримся: ты мне простыми словами объясняешь, что произошло, как произошло и почему произошло. А затем мы вместе попытаемся понять, что дальше делать. Подходит?

– Так точно, Иван Федорович. Разрешите начать?

– Валяй, – начальник академии тяжело опустился в кресло, уперев в столешницу локти и опустив на сложенные ладони подбородок. – Слушаю тебя.

– Понимаете, товарищ генерал...

– Без предисловий и чинов! – отрезал тот. – Не на плацу! Просто рассказывай.

– Слушаюсь. Примерно три часа назад мы зафиксировали... эхм... вторжение извне в контролируемый нами временной поток некоего... стороннего фактора. И почти сразу же произошел полный разрыв связи с прошлым. Проще говоря, теперь мы не можем ни контролировать, ни отслеживать происходящее в том мире. Вообще. Канала связи больше не существует. Тоже вообще.

– Причину выяснили? Или вы все эти три часа кое-чем груши околачивали?

– Выяснили, – кивнул начлаб, бледно улыбнувшись грубоватой шутке и неожиданно полностью успокоившись. Чего уж теперь бояться, собственно? Как говорили предки – где именно он вычитал эту фразу, Кравец не помнил, но в память выражение запало накрепко, – «все самое страшное уже произошло». Да и на самом деле, что может быть хуже, чем потеря связи с параллельным миром? На стабильный и долгосрочный контакт с которым возлагались перспективы поистине стратегического масштаба! По сути, полный крах всего проекта! Не только «Тренажера», разумеется, но и «Соседа», составной частью которого первый и являлся...

² ВАСВ – Высшая Академия Сухопутных Войск. Подробнее об этом можно узнать из предыдущих книг серии – «Комбат. Вываться из «котла»!», «Комбриг из будущего. Остановить Панцерваффе!», «Комдив. Ключи от ворот Ленинграда» и «Командарм. Позади Москва», вышедших в издательстве «Яуза» в 2016–2018 годах.

– Ну, так и не тяни кота за то, что он вылизывать любит! Выкладывай.

– Так точно. Сторонним фактором оказалась работа установки пробоя временного континуума, в целом аналогичной нашей. Нами зафиксирована практически одновременная отправка в прошлое нескольких психоматриц доноров, точное количество пока неизвестно. Что начисто снесло все настройки и заблокировало канал.

– Так, погоди, Виктор Палыч, этого в инфопакете не было. Я тебя правильно понял? Конкуренты?

– Правильно поняли, товарищ генерал! Судя по всему, именно так все и обстоит, конкуренты. Из того самого интересующего нас параллельного мира. Точку «врезки» в хроноканал мы пока не локализовали, но лично я убежден, что она примерно соответствует нашей реальности.

– Хреново... – задумчиво пробормотал Роднин. – И даже очень. Нечто подобное, конечно, допускалось, но как-то рановато... Что еще выяснили? Из какого они конкретно времени, что за установка, когда мы сможем наладить связь?

– У нас было всего три часа, даже меньше... – осторожно, чтоб ненароком не спровоцировать начальственный гнев, напомнил ученый. – Мы работаем.

– Ладно, не напрягайся, понимаю я все, чай, не дурак. Просто еще с тех пор, когда с майорскими погонами на широких плечах бегал, люто ненавижу подобные форс-мажоры. Еще подробности имеются?

– Практически нет. Только одно, пожалуй: мы практически убеждены, что все пси-матрицы отправлены в одно и то же время, осень сорок первого.

– Кучно пошли, – невесело хмыкнул генерал-лейтенант. – Как полагаешь, если вы не ошиблись с датой, это связано с Кобриным?

Начальник спецлаборатории ненадолго задумался, совершенно по-детски покусывая нижнюю губу:

– Знаете, коллега... ой, то есть, прошу прощения, товарищ генерал, виноват! (Роднин улыбнулся.) Достаточно сложно сказать... возможно, да, а возможно – и простое совпадение. Хотя лично я бы однозначно проголосовал за первый вариант. Как ученый, я не верю в совпадения. Тем более такие. Как человек, собственно говоря, тоже. Хотя, знаете, я бы все-таки несколько перефразировал: скорее, не с Кобриным как таковым, а с теми изменениями истории, причиной которых он стал.

– Добро, я тебя понял. Свободен, работайте. Докладывать каждый час, мне лично. Территорию научного комплекса никому не покидать, связь с внешним миром не поддерживать. С этой минуты и до разрешения ситуации работаем по плану «Карантин-2», который я только что активировал.

Москва, Кремль, октябрь 1941 года

Сдавленно выругавшись по-грузински, Иосиф Виссарионович раздраженно отпихнул в сторону навалившегося на него Кобрина. Поскольку этого языка майор не знал, смысл короткой, но определенно весьма эмоциональной фразы так и остался для него секретом. Со спины, тонко звякая, осыпались на пол осколки пуленепробиваемых стекол, не выдержавших могучего удара сжатого воздуха. Что ж, вполне понятно: одно дело, остановить выпущенную из снайперской винтовки пулю или шальной осколок, и совсем иное – оказаться на пути распространения волны мощнейшего взрыва. А в том, что взрыв оказался именно мощнейшим, Сергей ни секунды не сомневался: несколько змеящихся по внутренней стене, судя по всему, ближайшей к эпицентру, трещин, обрамленных уродливыми кляксами обвалившейся целыми пластами штукатурки, говорили сами за себя. Похоже, придется товарищу Сталину новый кабинет себе подыскивать. Поскольку этот теперь долгой ремонт придется...

Разглядывая обнажившуюся косую решетку из дранки, Кобрин автоматически прикинул, что, примени противник спецбоеприпас, смело можно было бы говорить о том, что они оказались в зоне средних разрушений – вон как стены повело. Даже удивительно, что перекрытия не разошлись – умели предки строить! Интересно, это что ж такое по зданию-то долбануло? Неужели и на самом деле ракета? Тогда, если судить по собственным ощущениям и видимым разрушениям, ее БЧ должна была нести как минимум килограмм двести-триста взрывчатки, если не все полтонны. А заряд подобной мощности – это уже, знаете ли, полноценная крылатая ракета! Которых, как известно, в этом мире пока не существует от слова совсем... ну, по крайней мере, теоретически. Повезло еще, что попадание пришлось вовсе не на стену, где располагались окна сталинского кабинета, иначе он бы сейчас об этом не рассуждал, вместе с остальными пребывая совсем в ином мире. В идеале – в своем, но если бы попал в те самые десять процентов «вероятных потерь», то и кое-где подальше. Где имел все шансы встретиться с погибшими раньше боевыми товарищами...

Поднявшись на предательски подрагивающие ноги, Кобрин осмотрелся. Да, и на самом деле неслабо жажнуло: окна выбиты подчистую, в двух даже рамы выдавило, тяжелые светомаскирующие шторы сорвало вместе с карнизами, пол и столешницы густо усеяны осколками стекол, битой штукатуркой и бумагами со сталинского стола.

– Руку дай, – глухо попросил Сталин, отрывая майора от созерцания окружающего разгрома.

Вождь с кряхтением распрямился, следом за Сергеем оглядев разгромленный кабинет. Снова выругался на родном языке, после чего пихнул того в бок:

– Спасибо. Ну, чего застыл? Нормально все со мной. Погляди, что с Лаврентием и твоим товарищем.

– Виноват, – до Кобрина только сейчас дошло, что Зыкина с наркомвнуделом так и скрывает стол для совещаний, и подниматься они отчего-то не спешат. Твою ж мать, неужели?! Да нет, не может быть, ну, не осколками ж стекол их насмерть накрыло? Чушь, быть такого не может, в худшем случае кожу посечет. Правда, сидели они как раз со стороны окон, так что и приложило их несколько сильнее, но все равно...

Раскидывая сапогами осколки, Сергей обежал стол, с облегчением заметив, как в этот самый момент шевельнулся лежащий ничком Зыкин. Судя по всему, он все-таки успелотреагировать на крик Кобрина и повалить Лаврентия Павловича на пол; а вот на то, чтобы прикрыть его своим телом, времени Витке уже не хватило. Но упал народный комиссар достаточно удачно, лицом вниз, что защитило его от осколков, во множестве усыпавших плотно обтягивающий спину френч. Да еще и стулом сверху накрыло. А вот рухнувшая буквально в метре массивная люстра Сереге весьма не понравилась: вроде и не должно было наркома зацепить, но поди знай...

Осторожно растормошив лейтенанта, командарм помог ему занять сидячее положение. Глаза у товарища были шальные, из носа струилась кровь: то ли ударился, когда падал, то ли последствия контузии, но в себя он уже почти пришел.

– Живой?

– Ага... Степ... тьфу, Серега, что с товарищем Сталиным?

– Тоже живой. Промахнулись фрицы.

– А...

– Сейчас гляну, – поняв, что имеет в виду товарищ, Кобрин склонился над Берией. С натугой перевалив отнюдь не субтильного наркомвнудела на спину, он пощупал пульс на сонной артерии и оттянул веко, припомнив, как учили поступать на курсах по оказанию первой помощи. Облегченно выдохнул:

– Тоже живой, без сознания просто. То ли об пол головой приложился, то ли спинкой стула по затылку стукнуло. Скорее второе, больно уж в кабинете стулья монументальные.

– Нормальные у товарища Сталина стулья, – сварливо сообщил Иосиф Виссарионович, подходя ближе. Похоже, из всех четверых только он да сам Кобрин полностью сохранили самообладание. Хотя грузинский акцент в его речи, как автоматически отметил Сергей, стал гораздо заметнее, что говорило о серьезном волнении.

– Как Лаврентий?

– Оглушило, товарищ Сталин. Думаю, скоро очнется. Но лучше бы врачам показать.

– Сейчас прибегут, – хмыкнул Вождь, – вон, уже топают, слышишь? И охрана, и врачи. А хорошо по нас шарахнуло, да? Знаешь, меня уже не раз убить пытались, даже бомбу однажды кидали и мост минировали. Но чтобы так? Нет, такого точно не было...

Задумчиво оглядев засыпанный осколками стол с опрокинутой лампой (знаменитый абажур, известный по множеству исторических фотографий и кинофильмов, треснул), пожевал губами и пробормотал себе под нос что-то насчет трубки, «которую теперь придется по всему кабинету искать». Автоматически проследив за его взглядом, Кобрин понял, что он имеет в виду: ударная волна не только сбросила со столешницы папки, разметав по полу секретное содержимое, но и опрокинула пепельницу. А вот массивные телефоны и письменный прибор остались на месте.

– Послушай, майор, – Вождь впервые назвал Сергея его настоящим званием. – Спросить хочу. Вот ты как считаешь, это кто сделал, немцы? И откуда ты узнал...

Договорить он не успел. Дубовые створки входных дверей с треском – видимо, немного перекосило при взрыве – распахнулись, поддавшись напору извне, и в кабинет ввалилось сразу с полдесятка людей. Первым оказался, разумеется, Поскребышев, за спиной которого толпились сотрудники НКВД в разных званиях и военврачи в распахнутом белом халате с увесистым саквояжем в руке. Александр Николаевич прижимал к голове какую-то окровавленную тряпицу, чему Кобрин особо и не удивился: его кабинет располагался ближе к эпицентру, потому и пострадать должен был куда больше. Уцелел, значит? Отлично, поскольку на его счет имелись определенные сомнения. Вторым, кого он тоже узнал сразу, был начальник охраны Власик. Остальные были незнакомы, видимо просто дежурная смена.

– Товарищ Сталин! – молнией метнулся вперед Николай Сидорович. – Вы целы?

– Как видишь, – буркнул тот. – Ну, чего столпились? Николай, распорядись – вон, товарищу народному комиссару медицинская помощь нужна. И товарищу Поскребышеву тоже. Остальным тут делать нечего. Пусть делами занимаются. А с тобой мы после поговорим. Работай!

Обернувшись к Кобрину, Иосиф Виссарионович коротко дернул головой:

– Товарищ генерал-майор, выполни мою просьбу, собери бумаги. А Зыкин пускай тебе поможет. Не нужно, чтобы секретные документы на полу валялись, нехорошо это, неправильно. И поторопитесь, холодно тут. Нужно в другое место пойти, да.

– Так точно, товарищ Сталин! – спокойно выдержав тяжелый взгляд Власика, который, судя по поведению хозяина кабинета, был не в курсе *настоящей* личности командарма Ракутина, а значит, и всего остального, четко кивнул Сергей. – Товарищ лейтенант, приказ слышал? Давай живенько, ты вон оттуда начинай, а я – с этой стороны. Потом пробежишься по кабинету, чтоб ни один листок в какую щель не попал.

– По папкам? – нахмурившись, счел необходимым уточнить Витька, смущенно сжимая в кулаке окровавленный носовой платок. Судя по всему, окончательно в себя Зыкин пока так и не пришел. Впрочем, состояние боевого товарища Кобрин прекрасно понимал: сначала с самим товарищем Сталиным встретился, а затем вместе с ним едва не погиб. Какое уж тут душевное спокойствие, откуда ему взяться?

– Вить, да просто собирай, найдется, кому рассортировать. Давай, быстренько, незачем тут долго находиться. Окна, вон, вышибло, а на улице совсем не лето. Товарищ Сталин замерзнуть может, а без этих документов он кабинет не покинет, сам понимаешь.

– Товарищ Сталин, – неожиданно подал голос Власик, накидывая на плечи Вождя невесть откуда взявшуюся шинель. – Полагаю, у товарища Ракутина и товарища лейтенанта госбезопасности нет допуска к документации такого уровня...

Медленно повернув голову, Иосиф Виссарионович несколько секунд сверлил глазами начальника охраны, отчего тот явно нервничал, но все-таки снизошел до объяснений:

– Уже есть, я так решил. Товарищ Поскребышев ранен, что ж мне, самому их собирать? Занимайся своим делом, Николай Сидорович, а в другие не лезь. Ты меня охранять должен? Вот и охраняй, а то чуть не убили, да. Пусть твои сотрудники разберутся, что за стрельба в коридоре была перед тем, как бомба упала. Это сейчас самое важное. Работай. Доложишь через час.

– Простите, товарищ Сталин, – стушевался тот. – Через час будут первые результаты!

Куда именно их отвели, Кобрин точно не знал. Судя по всему, в переоборудованный под бомбоубежище подвал бывшего Сенатского дворца, где высшее руководство страны должно было пережидать вражеский авианалет, если не имелось возможности или времени добраться до основного укрытия. Небольшая комната напоминала сталинский кабинет в миниатюре: и телефонная связь имелась, и стол для заседаний, и даже занавешенная карта СССР на стене. С точки зрения Сергея – так даже и поуютнее верхних апартаментов, каких-то излишне просторных, под стать всему зданию в целом. Компактненько так, чем-то даже похоже на кабинет генерал-лейтенанта Роднина...

Произошло это, понятное дело, не сразу: сперва Вождя осмотрели врачи, после почти что получасового обследования однозначно признавшие, что близкий взрыв фашистской авиабомбы остался без серьезных последствий. Все время медосмотра Кобрин с Зыкиным проторчали в коридоре, поскольку никакого иного приказа не имели. Витька подпирал стену, прижимая к груди пухлую пачку папок и отдельных листов; Сергей же бродил, провожаемый настороженными взглядами охранников, туда-сюда, размышляя над произошедшим. Потихоньку оные размышления сворачивали в нужную сторону, превращаясь во что-то более-менее осмысленное. По крайней мере, теперь майор примерно представлял, чем именно по ним шарахнули.

Правда, вопрос, «кто именно это сделал», пока оставался открытым. Нет, оно, конечно, понятно, что фрицы, но с чьей подачи? Кто их надоумил использовать эту самую экспериментальную управляемую бомбу именно подобным образом? В прошлой истории ничего подобного ведь и близко не наблюдалось, даже в планах. Начиная с сорок третьего года гитлеровцы использовали ее исключительно в качестве противокорабельной, для чего она, собственно говоря, и разрабатывалась. Но самое важное другое: каким образом она наводилась на цель? Как в реальной истории, штурманом-оператором при помощи радиоуправления и сигнального трассера в хвосте? Или подсветившим мишень диверсантом с лазерным целеуказателем? Но в 1941 году подобное – полный бред. Скорее всего, радиомаяк – не зря же в коридоре кто-то стрелял.

Ох, не случайно у него так беспокойно на душе! Что-то пошло не так... вот только знать бы еще, что именно? Поневоле задумаешься, сами фрицы все это придумали – или им кто-то помог? Кто-то, кто знает о будущем гораздо больше других? Вдруг то, испытанное за несколько мгновений до взрыва ощущение начала темпорального переноса, неспроста? И он каким-то невероятным образом *почувствовал* рядом такого же «гостя», каковым сам является для этого времени? Чужака, так сказать? Гм, весьма любопытно... если это окажется правдой, получается, он сумеет обнаруживать тех, в кого подсадили матрицу донора? Но ведь с научной точки зрения – это полный нонсенс?! Или нет?

Выдерживающая положенную дистанцию охрана, усиленная по случаю покушения, не мешала, зорко следя, чтобы командарм, к которому САМ неожиданно проявил столь большое

внимание, не выкинул чего-нибудь эдакого. Командарм ничего «эдакого» не выкидывал, меряя гулкими шагами коридор, и охранники понемногу успокоились, хоть бдительности и не потеряли. Да и сам Кобрин едва ли не физически ощущал, как понемногу спадает чудовищное напряжение крайнего часа. Вон, даже Витька, наконец, расслабился, опустившись на один из стоящих вдоль стены стульев. Драгоценные документы он при этом, понятно дело, продолжал прижимать к груди, аки заботливая мать – младенца. Впрочем, и правильно. Пропадет хоть один листик – задолбается доказывать, что не верблюд. Самому Кобрину куда проще, он тут, как ни крути, гость, пусть даже и желанный... Гм, вот он и снова назвал себя «гостем»...

После того как врачи убедились, что здоровье товарища Сталина в безопасности, короткий осмотр прошли и Сергей с Зыкиным. Много времени последнее не заняло: и тот, и другой отделались несильной контузией, несколькими ушибами и оставленными осколками стекол царапинами, которые кремлевские эскулапы со всей щедростью залили йодом. «Осматривались» и получали медпомощь по очереди, поскольку Витька категорически отказался даже ненадолго оставлять без присмотра секретные бумаги, с чем Кобрин в целом был абсолютно согласен. А уж затем двинулись в этот подземный кабинет-убежище...

Пошарив по ящикам рабочего стола, Иосиф Виссарионович обнаружил пачку папирос, с видимым удовольствием закурил. Опустившись в кресло, махнул рукой:

– Чего стоите-то, товарищи, особого приглашения ждете? Так не до политесов сейчас, сами видите, как все завертелось. Присаживайтесь, полагаю, нам найдется о чем поговорить. Лейтенант, да положи ты эти папки!

– Куда положить, товарищ Сталин? – вытягиваясь по стойке «смирно», переспросил охрипшим от волнения голосом Зыкин, все еще не привыкший, что Вождь может вот так запросто к нему обратиться.

– Вон, на стол положи, я с ними потом разбираться стану. Все собрали?

– Так точно, до единого листика! Лично дважды везде проверил, весь пол на карачках облазил!

– Хорошо, – улыбнулся в усы Иосиф Виссарионович. – А теперь садись рядом с товарищем майором. Ничего, что я тебя, товарищ Кобрин, так называю? Другим это, понятно, слышать не стоит, но сейчас можно.

– Нормально, товарищ Сталин.

– Вот и хорошо, – сделав еще одну затяжку, Иосиф Виссарионович снова покопался в столе, теперь уже в тумбе, выставив на столешницу початую бутылку коньяка:

– Сергей Викторович, вон там возле графина стаканы стоят, принеси. Думаю, нам сейчас нелишним будет по чуть-чуть принять. За второе рождение, так сказать.

– Слушаюсь, – Кобрин взял со стоящего в углу помещения столика три тонкостенных стакана.

Коньяк Вождь разливал собственноручно, грамм по тридцать. Сергей машинально отметил, что его рука уже не дрожит: горлышко бутылки ни разу не звякнуло о край посуды. Да и уровень янтарной жидкости оказался идеально равным.

– Предлагаю выпить за наше знакомство, товарищи командиры. И за сегодняшнее спасение.

– Спасибо, товарищ Сталин, – абсолютно серьезно кивнул Сергей, поднимаясь на ноги. Витька подорвался следом, едва не расплескав благородный напиток. – Я и на самом деле очень рад, что нам удалось встретиться. И что мы уцелели сегодня.

– Вот кстати, насчет сегодня, – отставив пустой стакан, Сталин отер ладонью усы. – Хороший коньяк, правда?

– Так точно, Иосиф Виссарионович, – согласился Кобрин, ничуть не удивившись тому, как быстро и непредсказуемо тот меняет темы разговора, равно как и возвращается к преж-

ним. – Отличный даже. В моем времени такого, наверное, уже не делают. Хотя я не большой знаток, если честно.

– Правильно, – неожиданно одобрил тот. – Хороший командир не про выпивку должен думать, а про победу! Хотя и без этого порой тоже нельзя, иначе нервы перегорят. Так что ты там хотел рассказать насчет этой бомбы? Помнишь, я спросил, откуда ты узнал? А потом нас прервали?

– Помню, товарищ Сталин. Разрешите начать со второго вопроса? Откуда узнал, точно объяснить не сумею. Просто почувствовал опасность, у меня подобное и раньше иногда случалось, в самый напряженный момент боя, к примеру. А еще услышал звук работающего реактивного двигателя. Ну, по крайней мере, в тот момент мне так показалось, что я его слышу.

Про то, *другое* чувство Сергей, разумеется, решил не упоминать, поскольку и сам пока не разобрался, что к чему. Да и не смог бы ничего объяснить – каким, собственно, образом, если сам ровным счетом ничего не понимает?

– Интуиция это называется, – понимающе кивнул Вождь, закуривая новую папиросу. – Зачем тут еще чего-то пояснять? Знакомое дело, сам, бывало, испытывал. А что звук этого самого – как ты там сказал? реактивного? – мотора услышал, так мало ли? Тоже зря в себе сомневаешься, может, у тебя слух такой, идеальный. Как у музыканта. И проявилось это в самый неожиданный момент. Тут я никаких подозрений к тебе не испытываю, ты хоть и из будущего, но такого подстроить никак не мог. Да и зачем? Сам ведь рядом был, тоже едва не погиб.

Сталин отчего-то нахмурился. И, помедлив с пару затяжек, продолжил, произнеся то, чего Кобрин услышать никак не ожидал:

– Знаешь, майор, очень сильно я не люблю кому-то должным себя чувствовать. А ты мне, так уж выходит, чуть ли не жизнь спас. Поди, знай, как бы оно вышло, если б ты меня на пол не повалил – окна вон с какой силищей вылетели. А еще говорили, что бронированные...

– Товарищ Сталин! – решительно отрезал Сергей, поднимаясь. – При чем тут вообще это?! То, что я сделал... – на миг Сергей все-таки смутился, мучительно подбирая подходящие слова. – Не знаю, как правильно сформулировать, я все-таки солдат, а не политик, меня разные красоты говорить не учили. Ради будущего, что ли? Поскольку без вас я никакого будущего просто не вижу! Вы ведь читали, как все дальше происходить станет? И чем в итоге закончится?

– Сядь, Сергей Викторович, чего так раздухарился? – буркнул хозяин кабинета.

И задумчиво пробормотал, с сожалением глядя на практически докуренную папиросу:

– А плохо, когда окон в кабинете нет, верно? Я, знаешь, люблю, когда светло. И шторы сам раскрываю, и люстры включаю. В полутьме нехорошо сидеть, лиц не видно... Ладно, давай эту тему оставим, не важно оно сейчас. Так что про бомбу рассказать можешь? Или это никакая и не бомба была?

– Бомба, товарищ Сталин, – кивнул Сергей, довольный, что разговор отвернул от скользкой темы. – Именно что авиационная бомба, только управляемая и способная к недолгому самостоятельному полету. Самолет-носитель сбрасывает ее неподалеку от цели, а дальше она планирует за счет горизонтального оперения и реактивного двигателя, и наводится, вероятнее всего, по радио.

– Рассказывай. Пока можно без подробностей. Откуда у Гитлера такая диковина? И что это вообще за оружие такое? Почему у нас ничего подобного не разрабатывается? В той информации, что мы от твоих реципиентов получили, – Иосиф Виссарионович кивнул на стопку папок и помятых бумажных листов, – о подобном ни единого слова нет. Или я невнимательно читал?

– Внимательно читали, товарищ Сталин. Я про этот самый «Хеншель-293» только недавно вспомнил, пока вас врачи осматривали.

– А почему не раньше? На память ты вроде не жалуешься.

– Да потому что реально фрицы... ну, то есть фашисты их только в конце лета сорок третьего начали использовать! В августе, если точно. Против английских кораблей, поскольку эта самая бомба и разрабатывалась именно в качестве противокорабельной! А сейчас у них в наличии от силы полдесятка предсерийных моделей имеется. Ну, собственно, уже на одну штуку меньше.

– Так, все, – Иосиф Виссарионович решительно прихлопнул по зеленому сукну ладонью. – Давай-ка, Сергей Викторович, по порядку. Выкладывай, что помнишь и знаешь. А товарищ Сталин слушает. Поскольку очень ему такое опережение не нравится...

– Так точно. Только сначала разрешите еще кое-что добавить?

Сталин молча кивнул.

– Необходимо тщательно обследовать завалы на месте рухнувшей стены и обыскать тела погибших. Уверен, где-то должен найтись радиомаяк, вероятнее всего – портативный, чтобы можно было поместить в карман или полевую сумку. Размерами примерно с фонарик или небольшую книгу.

– Ай, зачем глупости говоришь, майор? – раздраженно отмахнулся тот. – Неужели думаешь, что мои люди этого не знают? Власик уже работает, люди Лаврентия тоже. Все соберут, потребуется – так и через сито просеют. Не нужно считать предков непрофессионалами.

– Простите, товарищ Сталин. Виноват.

– Прощаю. Рассказывай, надоело ждать...

Глава 3

Москва, Кремль, октябрь 1941 года

Начальник личной охраны Николай Сидорович Власик появился ровно через пятьдесят семь минут. Коротко постучав в дверь и, дождавшись разрешения, вошел в кабинет, бросив на Кобрина с Виткой очередной неприязненный взгляд.

– Разрешите, товарищ Сталин?

– Докладывай. Самую суть.

– Самая суть вот, – главный телохранитель Вождя выложил на столешницу небольшую, размерами с пачку местных папирос, коробочку. Пластиковый корпус оказался предсказуемо вскрыт: подчиненные Власика проверяли непонятный прибор на предмет наличия взрывчатки или каких-нибудь отравляющих веществ. Внутри практически ничего не было, лишь пустое гнездо под батарею (сейчас на всякий случай изъятую и отправленную на дополнительное исследование) и стеклянное крошево, оставшееся от разбившихся радиоламп.

– Это радиомаяк, на сигнал которого наводился неустановленный летающий боеприпас, вероятно, реактивный снаряд большой мощности. Мои люди продолжают собирать обломки – на подлете эта штукавина немного промахнулась и врезалась в зубцы кремлевской стены, так что обломки имеются.

– Про маяк говори, – закаменев лицом, отчеканил Сталин. – У кого нашли, кто предатель? Кто эту гадость под мой кабинет принес?

– Вы уже знаете?! – поразился тот. – Но откуда?

– Николай, товарищ Сталин всегда и все знает, неужели еще не привык? Докладывай!

– Некто сержант госбезопасности Маленник, из отряда внешней охраны. Подчинен наркому внутренних дел, – произнесено последнее было со значением и ноткой превосходства. Сталин, судя по выражению лица, этот нюанс тоже уловил. – Возле вашего кабинета им заинтересовались *мои* люди, потребовали предъявить документы и осведомились, что он тут делает. Он запаниковал и бросился бежать в сторону лестницы. Сотрудники применили оружие – на теле обнаружены пулевые ранения, стреляли по ногам, чтобы взять живым. В этот момент приблизительно в десяти-пятнадцати метрах от внешней торцевой стены взорвался этот самый реактивный снаряд. При взрыве и частичном обрушении фасада погиб и сам диверсант, и мои люди. Также на первом этаже погибло еще пятеро.

– Понятно, – незаметно переглянувшись с Кобриным (Сергей понимающе моргнул), ответил Сталин. – Про саму бомбу что уже известно?

– Специалисты работают, Иосиф Виссарионович, но определить, что именно взорвалось, будет непросто, – уклончиво ответил Власик. – Взрыв оказался чрезвычайно сильным, так что от самого боеприпаса, понятно, ничего не осталось, только воронка здоровенная. Когда соберут то, что этот снаряд потерял, когда стену протаранил, возможно, что-то поймут. Но мы уже опросили зенитчиков и наблюдателей ВНОС.

– И что же они видели? – ухмыляясь, осведомился Сталин.

– Был замечен одиночный бомбардировщик, летевший на большой высоте с северо-востока. Поначалу приняли за авиаразведчик, поскольку бомбить с подобной высоты бессмысленно, да и не бомбят они днем и поодиночке. Но примерно над Лосиным островом самолет неожиданно резко снизился и выпустил снаряд, после чего попытался уйти, но был сбит батареей ПВО, расположенной в районе депо «Москва-3». Реактивный снаряд, похожий на небольшой самолет с короткими прямыми крыльями, был замечен над Комсомольской площадью и Садовым кольцом. Летел очень быстро, быстрее истребителя, зенитчики даже не успели его обстрелять. Целился в здание Совнаркома, в ту стену, где располагались окна вашего кабинета.

Но по непонятной причине над Красной площадью неожиданно нырнул вниз, в результате чего зацепил стену и частично развалился в воздухе. Про остальное я уже докладывал.

– Реактивный снаряд, понимаешь ли, какой-то придумали, – сварливо пробурчал Сталин. – И никакой это вовсе не снаряд был, а управляемая бомба германской фирмы «Хеншель». А наводилась она вот на эту самую коробочку, – Вождь брезгливо ткнул пальцем в разбитый радиомаяк.

Наткнувшись на взгляд Кобрина, Иосиф Виссарионович, осекся, по-грузински буркнув что-то себе под нос.

– Откуда вы... – ахнул Власик, широко распахивая глаза. – Не понимаю...

– Оттуда. Ты, Николай Сидорович, пока помалкивай о том, что сейчас услышал, это приказ. Я тебе потом расскажу, все равно пора уже посвящать. Иди, еще через час доложишь, что нового. И связи этого Маленикова на всякий случай проверьте, мало ли что.

– Маленника, товарищ Сталин, – автоматически поправил начальник охраны. – Уже проверяем, на его квартире следственная группа работает, с родственниками и близкими товарищами тоже работаем. Разрешите идти?

– Иди. Хотя постой. Что там с товарищем Берией?

– Пришел в себя, врачи говорят, ничего серьезного, небольшое сотрясение мозга. Рекомендуют денек-другой отлежаться.

– Александр Николаевич как?

– С товарищем Поскребышевым тоже все в порядке, ему просто осколками стекла кожу поскребло. Раны обработали и перевязали, сейчас в приемной прибирается. И заодно контролирует работы в вашем кабинете. Окна обещают сегодня заменить, остальное уже завтра.

– Не горит, – пожал плечами Сталин. – Все равно теперь придется в другое место перебираться... ладно, это мы с тобой еще обсудим, я про твои рекомендации насчет безопасности, про которые ты еще в сентябре говорил, помню. Похоже, пришло время под землю прятаться, как ты и предлагал. Свободен, Николай Сидорович.

– Так точно, – Власик покинул кабинет, неслышно прикрыв за собой дверь.

– И не надо так на товарища Сталина глядеть, Сергей Викторович, – буркнул Вождь, шурша спичечным коробком. – Согласен, может, и не стоило ему знать. Но он не предаст, я ему верю. Кроме того, я уже сказал, пора его в кое-какие подробности посвятить, он мужик умный, потому не нужно, чтобы попытался что-то самостоятельно выяснить. Ты мне вот что лучше скажи, майор: то, что этот диверсант из людей Лаврентия оказался – это что-то значит? Не люблю, когда такие совпадения случаются.

– Не думаю, товарищ Сталин, – без малейшей задержки ответил Кобрин, мысленно уже принявший решение. – Практически убежден.

– Почему? Объясни?

– Иосиф Виссарионович, я почти уверен, что сержант Маленник в данном случае только реципиент.

– Что?! Как ты сказал?! – горящая спичка так и не добралась до папиросы, замерев в нескольких сантиметрах от курки³. Ощутив, как огонек ожег пальцы, Сталин, не глядя, швырнул ее в пепельницу. – Шени дада!

– Подозреваю, Иосиф Виссарионович, что в этом мире появились и другие «гости из будущего», кроме меня и моих товарищей. Собирающиеся помочь тем, с кем мы сражаемся. Но доказать пока никак не могу. Это, ну, предчувствие, что ли? Интуиция, как вы сами недавно говорили.

³ Курка – часть папиросы, набиваемая табачной смесью.

– Плохо, и так, – глухо пробормотал Вождь, прикуривая со второй попытки. – Совсем нехорошо, да... Лейтенант, – обратился он к дернувшемуся, словно от электрического удара, Зыкину, – налей-ка нам еще по чуть-чуть.

– Так точно, товарищ Сталин. – Ухитрившись ни разу не звякнуть горлышком о края стаканов, Витька набулькал в посудины граммов по двадцать.

– Давайте выпьем, товарищи. Врачи говорят, от нервов помогает, если не злоупотреблять.

Отставив пустой стакан, Иосиф Виссарионович несколько минут молча курил, угрюмо глядя перед собой. Затем поднял взгляд:

– Сергей Викторович, если ты не ошибаешься, это может стать для нашей страны большой проблемой, я правильно понимаю?

– Правильно понимаете, товарищ Сталин.

– Вот кстати, тебе там, у себя, – Вождь ткнул отставленным большим пальцем куда-то за спину, – ни о чем подобном не рассказывали?

– Никак нет, точно не упоминали.

– Может, у тебя просто допуска не было? Потому и не вводили в курс?

Поразмыслив несколько секунд, Сергей помотал головой:

– Не думаю, Иосиф Виссарионович. Всех подробностей до меня, разумеется, не доводили – поначалу я даже не был уверен, что каждый раз попадаю в один и тот же мир, – но подобное уж слишком серьезно, чтобы скрывать.

– Э-э, а ну-ка погоди, майор, – неожиданно поднял ладонь Сталин. – А вот это ты сейчас что имел в виду? Что значит «в один и тот же мир»? Поясни, не понимаю. Их что, несколько, что ли, миров этих? Как такое быть может?

Кобрин мысленно тяжело вздохнул. Вот же блин, и кто его только за язык тянул?! Не мог как-то иначе сформулировать? Теперь придется объяснять, ничего иного не остается. Поймет? Разумеется, поймет, не тот это человек, чтобы не понять. Проблема в другом: он и сам не во всем разобрался, вот ведь как выходит! Идиотская какая-то ситуация...

– Понимаете, товарищ Сталин, существует научная теория, что мир, откуда я пришел – его еще называют базовым, – не единственный. Есть еще множество других, которые ученые называют «параллельными». И ход истории в каждом из них с определенного момента различается. Этот момент называют «точкой расхождения» или «бифуркации». Как бы вам попроще объяснить...

– Проще не нужно, товарищ Сталин не дурак, нужно так, чтобы мы с товарищем лейтенантом поняли! – решительно отрезал Вождь, назидательно подняв указательный палец. – Что это еще за бифуркация такая? – латинское слово Иосифу Виссарионовичу явно не нравилось.

– Так точно. Считается, что любое серьезное вмешательство в прошлое приводит к неминуемым изменениям всех дальнейших событий будущего. И далее весь исторический процесс идет уже по новой колее. В момент этого вмешательства от базового мира, где все остается в точности, как и раньше, ответвляется новая ветка, в которой события начинают развиваться по другому сценарию. Этот момент и есть точка бифуркации. А вторая ветка – альтернативный или параллельный мир. Собственно говоря, вот этот самый мир, где мы сейчас находимся. Разрешите лист бумаги и карандаш?

– Держи, – Иосиф Виссарионович выложил перед Кобриным требуемое.

– Смотрите, так, наверное, понагляднее будет... – Сергей начертил по центру жирную линию. – Вот это – базовый мир, историю которого вы знаете от меня и моих реципиентов, – он кивнул на стопку папок на краю стола. Сталин понимающе качнул головой. Зыкин слушал, приоткрыв рот, но, похоже, даже не замечал этого.

– А вот это – точка бифуркации, – майор перечеркнул линию коротким поперечным штрихом, подписав внизу «22 июня 1941». – Момент, когда я и мои товарищи впервые изменили ход истории. Именно в этот день история начала меняться и произошло примерно следу-

ющее, – строго параллельно «базовой» линии появилась еще одна, потоньше, начинающаяся от поперечной черты. Ну, настолько строго, насколько хватило чертежных талантов Сергея, конечно.

– Мы сейчас где-то здесь, – карандаш снова черкнул по бумаге, пересекая вторую линию и выводя сегодняшнюю дату. – Простой пример: в базовой линии никакого покушения на вас в этот день не было. Зато был чудовищный разгром Красной Армии в летнем приграничном сражении, несколько котлов и так далее. Все, о чем вы знаете из документов, – события моего мира. Здесь же все идет уже совершенно иначе, свидетелем чему вы сами являетесь. Поняли, товарищ Сталин?

– Понял... – глухо пробормотал тот. – А... этот новый мир... он еще чем-то отличается от, гм, прошлого? Как ты там сказал, «базового»?

– Абсолютно ничем, Иосиф Виссарионович. Упрощенно говоря, даже количество волос на вашей голове совпадает, или число листьев на любом из деревьев у здания Совнаркома. Я не ученый, а боевой офицер, так что никаких сугубо научных подробностей просто не знаю, но в этом уверен: единственное различие вашего и моего мира только в том, что здесь история пошла в более благоприятном для Советского Союза направлении. Чего, как я понимаю, собственно говоря, и добивалось мое командование. Зачем это сделано – понятия не имею.

– Какая любопытная... теория, – иронично хмыкнул Вождь, аккуратно складывая лист в несколько раз и зачем-то пряча в карман френча. – И что же дальше?

– Как что?! – откровенно опешил Кобрин. – Виноват, не понял вопроса? Заканчивать войну и строить новый мир, разумеется! Мир, который будет лучше моего и где не будет ни распада СССР, ни многолетнего доминирования американцев с их античеловеческой идеологией, ни колониальных войн в далеком будущем! Собственно говоря, если судить по сегодняшнему покушению, у вас все получилось...

– Как ты сказал? – мгновенно напрягся Сталин. – Почему так считаешь?

– А как иначе? – удивился Сергей. – Сами посудите, Иосиф Виссарионович: освоить технологии хронопутешествий раньше, чем это произошло в моем родном мире, наш неведомый пока противник никак не мог, иначе об этом уже стало бы известно. Значит, они отправляют своих доноров примерно из того же времени, откуда пришел я. Почему отправляют? Полагаю, ответ может быть только один: что-то там, в их будущем, им активно не нравится. Насколько сильно не нравится, что они решились попытаться переписать историю, не позволив Советскому Союзу достичь всего того, чего он, твердо убежден, достигнет!

– Все сказал?

– Так точно, все. Простите, если сумбурно вышло, но мне ведь тоже никто и ничего прямо и не объяснял, одни сплошные намеки. Официально считалось, что мы отправляемся именно в параллельный мир или даже несколько миров, но одно время я искренне считал, что все-таки попадаю в прошлое базовой реальности, просто волна изменений еще не добралась до будущего. Мне ведь приходилось постоянно работать с архивами Мин-обороны, и я видел, как менялась судьба моего предка, Федора Кобрина, – при этих словах Вождь незаметно для Сергея бросил на Зыкина короткий многозначительный взгляд, в ответ на который лейтенант понимающе кивнул.

– Тем более перед самой первой отправкой в прошлое генерал-лейтенант Роднин упоминал, что не существует никаких параллельных миров. Правда, больше он к этому вопросу ни разу не возвращался, а напрямую я больше не спрашивал. Но потом я стал догадываться, что на самом деле слушатели получают доступ к архивам именно вашей реальности. Каким именно образом, понятия не имею – то ли между параллельными мирами все-таки установлена связь, то ли «архив МО» создан искусственно, исключительно для участников эксперимента: узнать, как обстоит на самом деле, я не мог, все научные подробности строжайше засекречены.

– Значит, будут и другие... гости незваные?

– Скорее всего, – кивнул Сергей. – Это было бы логично.

– Совсем плохо, майор. Догадываешься почему?

– Так точно, товарищ Сталин. Подселить матрицу сознания теоретически можно и в кого-то из близкого окружения. Потому вашей безопасности придется уделить большее внимание.

– А вот в тебя – нельзя, – не то спросил, не то, наоборот, констатировал непреложный факт Вождь. – Вот ведь как смешно...

– Ну, на самом деле, у противника не столь большой выбор, – припомнив прочитанную будущим участникам «Тренажера» еще на первом курсе лекцию, покачал головой Кобрин. – Критерии отбора очень жесткие, жесточайшие даже, поскольку подобрать подходящего для внедрения пси-матрицы... ну, то есть разума донора носителя, весьма непросто. Грубо говоря, для каждого донора крайне сложно подобрать подходящего реципиента. По статистике, для устойчивой и успешной ассоциации подходит примерно один из двух-трех десятков, иногда и того больше. Так что в каждого никак не получится. Вот даже этот самый Маленник: ведь куда проще было бы взять под контроль кого-то из людей Власика, которым положено постоянно находиться поблизости от вас. Но, видимо, не сумели, потому и пришлось привлекать этого сержанта... что в итоге всех нас и спасло.

– Гм, весьма любопытно и... обнадеживающе.

– Именно, товарищ Сталин. Не знаю, так ли оно на самом деле, но слышал краем уха, что даже сам термин «донор-реципиент» – взят по аналогии с совместимостью по группам крови. Полагаю, вы в курсе, что это такое, – с интересом прислушивающийся к рассказу Иосиф Виссарионович медленно кивнул.

– Одна группа подходит всем без исключения, другая – только людям с аналогичной. Кроме того, есть еще кое-что, это мне одна, хм, один научный сотрудник рассказал: возможность подсадить чужое сознание в человека с уникальным, совершенно отличным от прочих разумом, практически нулевая. Не считите за лесть, но наиболее гениальные исторические личности...

Кобрин на миг сбился, не зная, как Вождь отнесется к тому, что его только что назвали «исторической личностью», да еще и «гениальной» к тому же, однако тот лишь легонько дернул ладонью: «продолжай, мол».

Судя по хитрому выражению лица, аналогию он вполне уловил и остался доволен.

– ...просто не примут в себя матрицу чуждого сознания. Подробности не знаю, но это как-то связано с несхожестью их мозга с мозгом обычного среднестатистического человека. Так что, практически убежден, лично вам опасаться уж точно нечего. Да и... товарищу Берии, скорее всего, тоже, – Сергей отнюдь не был уверен, что последняя его фраза понравится собеседнику, но и не сказать тоже не мог. Как не мог и ничего прочитать по его лицу. – Суть в том, что разум столь неординарного человека то ли просто не примет в себя чуждую матрицу, то ли в кратчайший срок подавит ее, выбросив обратно или взяв под свой полный контроль.

– Это все?

– Почти, Иосиф Виссарионович. Есть еще одна особенность – подсадка пси-матрицы от женщины к женщине тоже крайне сложна, что напрямую связано с физиологией – разный уровень гормонального фона на момент ассоциации, фаза менструального цикла, возраст, наличие детей и отношения в семье – и так далее. Про беременных и вовсе разговора нет, велика вероятность внедрения сознания донора в плод. Впрочем, с подселением мужской матрицы все еще сложнее, эффективность подобного практически нулевая – другое воспитание и менталитет, манера речи и поведения, регулярно меняющийся гормональный фон, в конце концов. Окружающие раскусят в два счета, особенно те, кто находится в постоянном контакте. Плюс, донора и реципиента будет разделять поистине огромный временной провал. Вот как-то так, товарищ Сталин...

– Это тебе тоже один сотрудник *рассказала*? – добродушно ухмыльнулся Вождь, четко выделив последнее слово. И Кобрин неожиданно подумал, что историки ничуть не преувеличивали, говоря, что Сталин никогда не оставлял без внимания даже самые мелкие оговорки собеседника.

– Так точно!

– Красивая, наверное?

– Красивая, – не стал спорить майор. – Машей зовут, невеста моя, как раз перед отправкой сюда предложение сделал. Сотрудник нашего научного отдела.

– У меня вот тоже жена красивая... была, – глухо пробормотал Сталин, отводя взгляд. И тут же продолжил уже нормальным тоном. – Ладно, не о том речь. Так это ты что ж, Сергей Викторович, предлагаешь всю мою охрану бабами, что ли, заменить?!

– Ну, не всю, разумеется, но частично – да. Хотя тут еще крепко подумать нужно, я-то об этом буквально только что вспомнил.

– Послушай-ка, Сергей Викторович, – после недолгой паузы неожиданно спросил Вождь. – Как полагаешь, а твое начальство уже в курсе?

– Наверное, – без особой уверенности ответил майор. – Сложно сказать – я еще ни разу не задерживался в прошлом настолько надолго. Хотя не думаю, что это как-то связано.

– А если тебе с ними, гм, посоветоваться?

– Простите, товарищ Сталин, в каком смысле посоветоваться?

– Ну, твои реципиенты рассказывали, что у вас имеется какой-то особый пароль для срочного возвращения, верно?

– Понял, о чем вы. Да, у меня есть кодовая фраза для экстренной эвакуации... вы полагаете?

– Почему нет? Если у нас появился новый враг, значит, нам нужны и новые союзники. Да и вообще, как в народе говорят, сообща и батьку бить проще. А то как параллельные миры, понимаешь, создавать, так это пожалуйста, а как проблемы решать – так все сами? – Вождь, не скрываясь, усмехнулся. – Это товарищ Сталин, понятно, шутит, но посоветоваться, есть такое мнение, не мешает.

– А если меня... не вернут обратно?

Иосиф Виссарионович пожал плечами, кивнув Зыкину на бутылку:

– Ну, отчего же сразу «не вернут»? Если бы хотели, уже – как ты там раньше говорил, «выдернули» бы, да? – обратно. Раз ты все еще тут, значит, все идет по плану.

– Хорошо, товарищ Сталин, если вы так считаете, я попробую, – наткнувшись на ожидающий взгляд Вождя, Сергей несколько ошарашенно сморгнул:

– Что, прямо здесь?! Сейчас?!

– Здесь, – спокойно кивнул тот. – Не нужно лишних людей ни в какие подробности посвящать. Тем более *теперь*. Если все в порядке, сюда же и вернешься. А мы с товарищем лейтенантом пока товарища командарма посторожим, верно, Зыкин?

– Т-так точно, товарищ Сталин, – заикнулся от неожиданности тот, едва не расплескав коньяк.

– Вот и договорились. Давай, майор, незачем тянуть. Говори свои волшебные слова. Только сначала стремennую выпей, чтобы дорога скатертью. Это ведь тебе не помешает, так? Вот и хорошо. Бери стакан, товарищ Кобрин...

Сергей, насколько возможно, расслабился на не слишком удобном стуле.

– Витя, встань позади и придерживай за плечи, чтобы товарищ генерал не упал. Насколько знаю, минут пятнадцать Ракутин в себя точно не придет, возможно, и дольше. А я за это время постараюсь вернуться.

– А успеешь? – отчего-то шепотом спросил товарищ. – Тебе ж, наверное, с начальством поговорить нужно, доложиться там, рапорт написать? Дело-то не быстрое.

– Успею, – усмехнулся тот. – Меня могут вернуть в ту же самую минуту, так что долго тебе о товарище командарме уж точно заботиться не придется. А вот если не вернусь за это время – значит, все, туши свет – сливай воду.

Прикрыв глаза, Кобрин сосредоточился и как учили (до сего момента ему еще ни разу не приходилось использовать процедуру экстренной эвакуации, потому все знания об этом процессе были чистой теорией) четко произнес про себя несложную буквенно-цифровую комбинацию. И ровным счетом ничего не произошло.

Выждав несколько секунд и успокоив тревожно забившееся сердце, он повторил попытку. С тем же самым результатом, понятно.

Похоже, дорога домой для него оказалась закрыта...

* * *

– Можешь ничего не говорить, майор, по твоему лицу все и так понятно, – голос Сталина был мрачен. – Вопрос не в том, что не получилось, а почему не получилось?

– Сложно сказать, Иосиф Виссарионович, – на самом деле, никакой особой паники Кобрин не испытывал. Причин случившегося можно выдумать кучу, даже не будучи при этом многомудрым научником: допустим, темпоральный канал временно заблокирован недавними переходами других «попаданцев» или неведомый противник врубил какую-то хитрую аппаратуру, блокирующую переход... да мало ли? Да хоть бы и просто «нелетная погода», какая-нибудь там межвременная турбулентция!

Последнее, понятно, полная чушь, поскольку «волшебное слово», согласно обещаниям руководителей «Тренажера», должно срабатывать в любом случае, но звучит достаточно оптимистично. Короче говоря, всерьез паниковать пока рано. Да и к чему, собственно, вообще паниковать-то? Он – боевой офицер, прекрасно знавший, на что идет, и ознакомленный со всеми сопутствующими рисками. Останется в этом времени навсегда? Ну так и останется, велика беда! Будет сражаться, делая все, чтобы этот мир не повторил фатальных ошибок «базовой реальности». Машку, конечно, жалко, но что уж тут поделать? Девчонка хоть и научный персонал, но тоже с погонами на плечах, так что справится. Да и Роднин, случись с ним что, ее с малышом в беде не оставит, не тот человек. Главное, наследник у него будет, всего-то каких-то месяцев семь ждать осталось. Значит, род не прервется, а это самое главное. Но пока его место тут: нужно ведь разобраться с этими самыми непонятными «попаданцами»! И товарищу Сталину помочь, поскольку вовсе не факт, что тот сам справится...

– Я бы пока особенно не тревожился, мало ли что произошло. Хоть в том, что причина связана с нашими... гостями, практически не сомневаюсь. Тут, скорее, вопрос в другом: насколько все это надолго. И да, вы абсолютно правы, товарищ Сталин, помощь нам потребует. Но пока связь не наладится, будем справляться своими силами, ничего другого просто не остается.

– А ты молодец, Сергей Викторович, – одобрительно прищурился Иосиф Виссарионович. – Хорошо держишься. Молодец! Коньяка хочешь? Теперь, наверное, можно и еще по одной, да?

– Пожалуй, – пожал плечами Сергей, переглянувшись с Зыкиным. Протянувший руку к бутылке Витька отчего-то глядел на него, словно на какого-то взаправдашнего героя. Кобрин мысленно ухмыльнулся: подумаешь, ну застрял он тут... Можно подумать, случись иначе, спокойно бы ушел, махнув на прощание ручкой! Угу, вот прямо сейчас!

– Ты выпей, не стесняйся и на товарища Сталина не оглядывайся, мне достаточно. И ты тоже выпей, лейтенант, дело молодое. Скоро Власик с докладом придет, так что, может, даже и хорошо, что ты, майор, тут задержался. А то, мало ли что...

Вождь неожиданно поднялся из кресла, подойдя к стоящему в углу кабинета сейфу. Негромко лязгнув дверцей, вернулся, выложив на стол перед Кобриным небольшой пистолет, в котором тот без особого труда опознал «Маузер HSc» калибром 7,65 мм. Неплохой ствол, практически идеально приспособленный для скрытого ношения и внезапного применения – минимум выступающих частей не позволят зацепиться за одежду при выхватывании. Недаром его производили аж до середины семидесятых годов, в том числе и по лицензии. Похоже, товарищ Сталин в оружии разбирается.

– Ты вот что, Сергей Викторович, возьми-ка оружие, пускай при тебе будет. На всякий случай. Хороший пистолет, маленький, легко в одежде прятать.

– Понял вас, товарищ Сталин, – серьезно кивнул майор, автоматически проверяя пистолет. Магазин полный, все восемь тускло отблескивающих латунью патронов на месте, тут все в порядке. Мгновение поколебавшись, загнал в ствол первый патрон, аккуратно спустив курок с боевого взвода.

Вождь одобрительно кивнул:

– В карман убери, на виду не нужно держать. Когда охрана твой пистолет вернет, этот все равно при себе держи, скрытно. Это приказ.

– Так точно, товарищ Сталин, я вас прекрасно понял.

– Понял он, – сварливо буркнул тот, затягиваясь очередной папиросой. – Понял – да не понял. Случись что, не раздумывай, сразу стреляй. Только насмерть не нужно, реципиент ведь ни в чем не виноват, но из строя вывести – обязательно. В руку там или в ногу, сам разберешься, не маленький.

– Так точно.

– Вот и хорошо. А теперь вот что, товарищ Кобрин. Слушай и запоминай, повторять не стану. Раз такое дело, полагаю, придется нам новый наркомат организовать. Секретный. Курировать его Лаврентий станет, раз ты говоришь, что он тоже того... *гениальная личность*, – судя по всему, недавнее сравнение с собой Вождю все-таки не слишком понравилось. – Молчи. Не нужно ничего говорить, за Лаврентием я и сам пригляжу, хорошо его знаю. Но возглавишь его ты. А Зыкин пока твоим заместителем станет, ты его тоже хорошо узнал, так что заметишь, если что-то не так пойдет (при этих словах в очередной раз отвесивший челюсть лейтенант не удержался и шумно сглотнул). Чем этот наркомат заниматься будет, понятно?

– В целом. – Сказать, что Кобрин был ошарашен – значило бы не сказать ничего. Вот так ни хрена себе поворот! Это он что, был командармом, а теперь целым народным комиссаром в одночасье станет, что ли?! Вот уж точно «с ума сдуреть», как мехвод Витька Цыганков выражался! Карьера, блин... прямо любопытно, что об этом генерал-лейтенант Роднин скажет, когда вернуться удастся? Может, засчитает сразу за выпускной экзамен? Экстерном, так сказать, угу... – Обнаружением и нейтрализацией нежелательных «гостей из будущего», полагаю? Расследованием всяких непонятных и подозрительных случаев вредительства и саботажа среди среднего и высшего комсостава? Контролем за вашим окружением?

– Примерно так, как все это правильно сделать, я и сам еще подумаю, и с Лаврентием Павловичем посоветуюсь. Заодно и название новому ведомству придумаем. Но на фронт ты уже не вернешься, найдем кем заменить. А звание... – Сталин неожиданно ухмыльнулся. – Ты, конечно, армеец, причем в обеих своих ипостасях, но придется тебе, Сергей Викторович, какое-то время комиссаром государственной безопасности послужить, раз Родине нужно, уж не обессуди. Думаю, третьего ранга, это как раз генеральская должность, примерно армейскому комкору соответствует. Под своей настоящей фамилией служить будешь, ее тут никто не знает.

А генерал-майор Ракутин пока пусть числится героически погибшим во время коварного покушения. Согласен?

– Так точно, товарищ Сталин, – Сергей ненадолго задумался, прежде чем продолжить. – В таком случае у меня есть еще одно предложение.

– Говори?

– Может, нам заодно и товарища Берию тоже того, временно «героически погибнуть»? Официально, так сказать? Это может серьезно спутать карты нашему противнику, хотя бы на некоторое время? А уж там, будем надеяться, и *мои* связь восстановят.

– Зачем это нужно, поясни? – непонимающе нахмурился Вождь.

– Да я вот прикинул, если они информацию из своих исторических архивов берут, а иного источника у них и быть не может, разве что взятый под пси-контроль реципиент-наблюдатель из местных, то сведения о смерти Лаврентия Павловича и генерал-майора Ракутина в результате бомбардировки до них наверняка дойдут. Дойдут в тот самый момент, когда эти документы будут официально оформлены. И это практически наверняка внесет в их планы достаточно серьезную неразбериху.

– Хорошо, я тебя услышал, про это тоже подумаю. Хотя и не уверен, что нужно все настолько усложнять.

Услышав со стороны двери короткий стук, Вождь напрягся. С точки зрения Сергея – абсолютно зря, поскольку сам он был практически убежден, что в ближайшее время никакие зловердные «вселенцы-попаданцы» Сталину не угрожают – противник, кем бы он ни оказался, пока пребывает в уверенности, что покушение удалось:

– А вот и Николай Сидорович пожаловал. Внимание, товарищи командиры...

* * *

Постановление ЦК ВКП (б),

Государственного комитета обороны СССР П 39/43

«Об основании Народного комиссариата (по делам) перемещенных лиц».

29 октября 1941 г., Москва, Кремль

Настоящим постановляется создать Народный комиссариат перемещенных лиц, сокращенно НКПЛ, задачами которого является решение любых вопросов эвакуированных, беженцев, временно перемещаемых от мест постоянного проживания граждан и не граждан Советского Союза, и прочих, кроме военнопленных и добровольно сдавшихся в советский плен солдат, офицеров и унтер-офицеров фашистской и союзнических ей армий.

Народным комиссаром назначить комиссара ГБ 3 ранга Кобриня Сергея Викторовича, первым заместителем – старшего майора ГБ Иванова Виктора Тимофеевича.

Секретарь ЦК ВКП (б), Председатель ГКО СССР, Председатель СНК СССР
И.В. Сталин

Совершенно секретно.

Особая папка. В одном (1) экземпляре

Приложение к Постановлению ЦК ВКП (б), Государственного комитета обороны СССР П 39/43 «Об основании Народного комиссариата (по делам) перемещенных лиц».

1. Главой Наркомата перемещенных лиц назначить бывшего командующего 24-й армией Западного фронта генерал-майора Ракутина Константина Ивановича, в интересах НКПЛ и с целью соблюдения режима

секретности с данного момента носящего звание «комиссар ГБ 3 ранга» и имя «Кобрин Сергей Викторович». Заместителем назначить старшего майора ГБ Иванова Виктора Тимофеевича (настоящее звание и имя – лейтенант ГБ Зыкин Виктор Тимофеевич).

2. В интересах безопасности СССР и до особого распоряжения считать генерал-майора Ракутина К.И. без вести пропавшим во время фашистской бомбардировки здания Совнаркома.

3. Командование 24-й армией временно передать начальнику штаба генерал-майору Кондратову А.К.

4. Супругу генерал-майора Ракутину Л.М. и дочерей Лилию и Аделину скрытно и под чужими именами эвакуировать в г. Свердловск, передав под наблюдение местного управления НКВД. В подробности происходящего семью не посвящать, сообщив, что тов. Ракутин находится на выполнении секретного задания, после чего взять подписку о неразглашении сроком на 10 лет. По прибытии на место временного проживания поставить на учет и довольствие как вдову высшего военачальника РККА с назначением персональной пенсии в указанных законом размерах.

5. Контроль за работой НКПЛ с момента его создания возложить на народного комиссара внутренних дел СССР Берия Лаврентия Павловича как полномочного представителя ГКО и Ставки ВГК.

6. Настоящими задачами Наркомата установить обнаружение и розыск лиц инопланетного (иновременного) происхождения (т. н. «доноров»), ведущих подрывную антисоветскую и диверсионную деятельность против СССР, равно как и пресечение вероятных последствий их деструктивных действий. При нейтрализации сотрудниками Наркомата враждебных действий противника всеми силами сохранять физическое здоровье т. н. «реципиентов», в связи с чем провести с оперативными сотрудниками НКПЛ, равно как и временно привлекаемыми сотрудниками НКВД и бойцами РККА соответствующую разъяснительную работу.

7. Передать в ведение НКПЛ проект «Мозг» вместе со всеми сотрудниками, техническими и научными средствами и полученной информацией. Контроль за дальнейшей работой проекта осуществлять совместно и в тесном контакте с НКВД (куратор – лично народный комиссар Берия Л.П.).

8. Группу особого назначения «А» (руководитель – лейтенант ГБ Зыкин В.Т.) в полном составе перевести в штат НКПЛ. Название и задачи оставить прежними, руководителем назначить младшего лейтенанта ГБ Колосова Антона Сергеевича.

9. Все пункты данного Приложения вступают в силу с момента его подписания и обязательны к исполнению всеми органами государственной власти. Все без исключения Народные Комиссариаты СССР, равно как и структуры РККА, РККФ и ВВС, обязаны оказывать сотрудникам НКПЛ любое и всяческое содействие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.